

Река
моей жизни

Муниципальное учреждение культуры
«Районный Учинский историко-этнографический музей
имени Анатолия Николаевича Хомякова»

РЕКА МОЕЙ ЖИЗНИ

(Книга создана по рукописным материалам
Анатолия Николаевича Хомякова)

Шадринск
2012

в

3

ББК 63.3

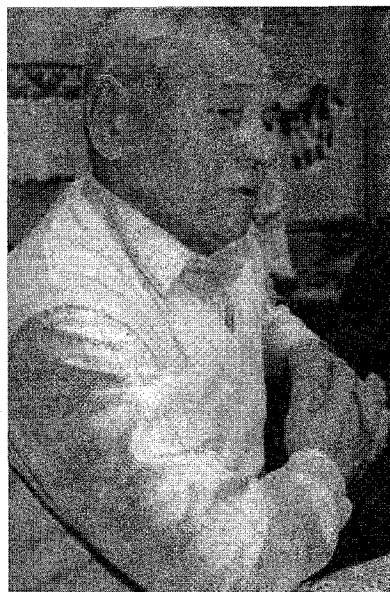
Р 36

Река моей жизни. Книга создана по рукописным материалам Анатолия Николаевича Хомякова / Автор и руководитель проекта – Мостовых Г. А. – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2012. – 100 с.

Книга издана при финансовой поддержке депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Татьяны Степановны Гоголевой.

ISBN 978-5-7142-1473-8

© МУК «Районный Учинский историко-этнографический музей им. А. Н. Хомякова», 2012

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель!

Я прожил достаточно долгую, трудную, но интересную жизнь.

Чтобы вышла эта книга в свет, многие годы я вел записи, надеясь на то, что когда-то они будут востребованы.

Книга «Река моей жизни» рассказывает не только о моей жизни и жизни моих предков, но и о событиях, происходящих на Конде и о судьбе людей, живших в довоенные,

военные и послевоенные годы.

Жизнь моя, действительно, протекает как река и как река она была разная: иногда спокойная, иногда бурная и непредсказуемая, а иногда полная неожиданностей и преград.

Читатели моего поколения, пережившие тяжелые годы репрессий, страшную войну, могут примерить мою жизнь на себя, она будет так похожа.

Мы радовались каждому прожитому дню. Ценили жизнь. Уважали и почитали предков.

Очень надеюсь, что молодое поколение, прочитав эту книгу, что-то возьмет для себя нужное, полезное. Может больше узнают об истории Кондинского края, о людях, которые своим бескорыстным трудом преумножали богатство этой земли.

А.Н. Хомяков

В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

Кто были мои предки? Откуда на Конде появился род Хомяковых? Мои – дед Хомяк (Хомяков) Влас и бабушка Евдокия Ивановна, в девичестве Кисюк, примерно, 1867–68 годов рождения. Родились и жили они на Украине вблизи Австрийской границы. Бабушка рассказывала: «В те годы на Украине жить было очень трудно. У нас не было своей земли, десятину земли брали у помещика, а засеять-то ее было нечем. Приходилось зерно занимать до осени и за нее рассчитываться урожаем, а себе-то почти ничего не оставалось. В те годы многие люди уезжали из Украины в поисках новой жизни, и мы тоже решили последовать этим же путем».

В 1905 году семье Власа и Евдокии разрешили выехать в Сибирь. С малыми детьми – Федором (1900 г.р.) и Татьяной (1904 г.р.) они отправились в путь до города Кемерова. По пути, чтобы заработать средства на еду и дальнейший проезд, делали остановки. В 1906 году в дороге родился сын Григорий. В 1910 году в Томской губернии в селе Шишино родился сын Николай. Тяжело было с маленькими детьми, их нужно было кормить, одевать, поэтому нанимались на любую работу и работали сутками. В конце концов Влас не выдержал такой нагрузки и спустя 7 лет жизни в Кемерово, тяжело заболел и умер.

В 1919 году многие семьи стали собираться на Север, прошел слух, что там много рыбы и поэтому жить немного легче. Евдокия тоже стала готовиться к переезду, стала соби-

ратся с семьей в далекий и неизвестный путь. Она решила ехать в Обдорск, ныне Салехард. В то время ее старший сын Федор уже служил, в Красной армии, участвовал в событиях гражданской войны в городе Иркутске.

Весной, когда реки очистились ото льда, люди стали собираться в путь, мужики начали пилить доски, делать лодки. В это время моя бабушка Евдокия Ивановна познакомилась с Кузьмой Ивановичем Бекетовым. Она рассказывала: «Мужик он был холостой, работающий, мастер на все руки, только болен был ревматизмом ног, страдал от сильных болей. Приглянулись друг другу, стали жить вместе. Видно так было Богу угодно».

Вскоре все было готово к отправке. Люди, перекрестившись, прочитав молитву, отправились в дорогу. Одновременно выехало несколько семей. Дорога была тяжелой, но никто не унывал. Во время стоянок рыбачили и охотились, этим и питались. Плыли по неизведанной широкой реке Оби, добрались до устья Иртыша. На одной из остановок повстречался мужик из Конды, за разговорами всю ночь просидели у костра. Он рассказывал о жизни людей на Конде, о ее богатом рыбном промысле, разнообразии боровой дичи и пушного зверя. Наутро несколько семей, в том числе и семья Евдокии, решили ехать на Конду. Добирались долго, только к осени прибыли в деревню Учинья, в то время она называлась «Учинские Юрты». В Учинье, к сожалению, свободных промысловых угодий не оказалось, но деревенский сход разрешил приезжим остаться на зиму. Кузьма Иванович стал заниматься плотницким мастерством, а Евдокия вязала носки и рукавицы. В то время, из коренных жителей мало кто занимался этим ремеслом.

Перезимовав, весной Кузьма Иванович и Евдокия решили с семьей отправиться странствовать по речке Нерпалке. Речка оказалась маленькой и извилистой. Евдокия (в детстве я

называл бабушку – Авдотья) вспоминает: «Едем день, другой, остановились на ночь у берега, вышли осмотреться, оказалось, что проплыв целый день, мы находились всего в двухстах метрах от вчерашнего ночлега».

И так несколько суток против течения поднимались они по извилистой и быстрой речке Нерпалке. Доехав до Усть-Тетерева, где проживали три мансийские семьи, остановились там на лето. На берегу реки, без хлеба и других продуктов, на одной рыбе, смогли они прожить только до осени, а затем снова вернулись в Учинью.

Жизнь текла своим чередом. Старшая дочь Татьяна вышла замуж за Исыпова Ивана Митрофановича и уехала жить в деревню Сатыга. Иван по тем временам был грамотным, он вступил в Коммунистическую партию и его направили в село Карым работать председателем сельского Совета. К тому времени в их семье уже было трое детей: Александр, Федор и Глафира. С маленькими детьми тяжело было переезжать, они решили, что Татьяна с детьми пока останутся в Сатыге, а Иван поедет один обустраиваться на новом месте.

Сына Григория взял к себе на проживание Петрушкин Александр Михайлович, приемным сыном местного учинского священника Филатова Михаила Степановича. После его смерти местные жители ходатайствовали перед Тобольской епархией об увековечивании его имени. На берегу Учиньи стояла часовня, а с южной стороны установили памятник. Простоял он недолго, всего несколько лет, в годы гражданской войны памятник разрушили и столкнули в реку,

Хомякова Татьяна Владимировна (в замужестве Исыпова, Носова)

Три брата Хомяковы. Слева направо – Федор, Григорий, Николай. 1928 год

с младшим сыном Николаем – моим будущим отцом, осенью уехала в Тавду на заработки, а Кузьма Бекетов остался в деревне Ингатъя, что на реке Тап, там он достраивал дом белогвардейскому офицеру Фирулеву из банды Печенкина.

По приезду в Тавду Евдокия Ивановна поселилась с сыном у бабушки Пушихи, так ее прозвали за отчаянный характер.

Был в жизни моей бабушки, Евдокии Ивановны, такой случай – волей судьбы ей удалось поучаствовать в историческом событии нашей страны. Как раз в том году в деревне Герасимовка был убит Павлик Морозов. Открытый суд над его убийцами проходил в Тавде. «Судили родного дядю и дедушку Павлика за то, что они зарезали его в кедровнике, а тело спрятали под корни кедра, – рассказывала бабушка. – Жутко было слушать, как кричали люди и просили дать им расстрел». Всю свою жизнь бабушка будет вспоминать это событие, и рассказывать о нем нам, своим внукам.

где он пролежал до 1991 года. Свой дом Михаил Степанович завещал приемному сыну Петрушкину Александру, в котором тот и прожил всю свою жизнь. Григорий несколько лет прожил в семье Петрушкиных, помогал по хозяйству, на рыбалке, на охоте, нянчил детей, за все это он был всегда сытым, одетым и имел кров над головой.

Таким образом, старшие дети Евдокии Ивановны были уже пристроены, и она

Позже в Тавду приехал Кузьма Иванович, всей семьей они искали любые заработки, работали на лесопилке, на паровой мельнице, выполняли любую работу. Прожили они в Тавде до 1928 года, а осенью вернулись на Конду.

Многое изменилось за эти годы. У дочери Татьяны в реке Юконде утонул муж Иван, во второй раз она вышла замуж за Носова Николая Никондровича, который позже уйдет на фронт и не вернется. Сын Григорий женился на местной девушке Татьяне, дочери раскулаченного Таскаева Макара из деревни Учинья. Семья Таскаевых была зажиточной, и родители Татьяны были категорически против бедного жениха. Григорий не растерялся, ночью тайком, он выкрал Татьяну из отчего дома и увез в деревню Половинка. Мать с отцом несколько раз приезжали искать свою дочь, но она пряталась в подполе и к ним не выходила. Пришлось им смириться и благословить этот неравный брак.

Николай помог достроить дом Григорию, и Евдокия Ивановна осталась жить в их семье. Григорий с Татьяной прожили до глубокой старости в деревне Половинка, вырастили шестерых детей.

Самым главным событием в жизни бабушки было возвращение старшего сына Федора. После окончания гражданской войны он разыскал своих родных и приехал на Конду, остался жить в деревне Учинья, занялся сельским хозяйством. В то время в деревне с двумя детьми – Федором и Проней – жила вдова – Евдокия Никитична Попова, русская, из Гаринского района. Ее муж – Леонтий Кауртаев – погиб во время гражданской войны. Евдокия Никитична была женщиной работающей, она сразу приглянулась Федору, так образовалась новая семья. Однако деревенский сход вынес постановление о выселении этой семьи в деревню Половинка, так как в Учинье свободных угодий в то время не было. Федор с семьей переехал в Половинку, перевез туда и старую избенку из-за реки.

Самостоятельно заготавливал лес для строительства нового пятистенного дома. В семье у них родился сын Дмитрий, зажили они крепкой и дружной семьей.

В 1929 году мой отец познакомился с местной девушкой Анастасией. Отец Анастасии Иван Андреевич Кауртаев в то время построил в Половинке новый дом, перевез туда свою семью. Благодаря этому, познакомились мои родители. Они полюбили друг друга, поженились. Дед Иван отдал им под жильё свою баню. Через год у них родился первенец – сын, я, Хомяков Анатолий Николаевич. К нам переехала папина мать, бабушка Евдокия. Низко кланяюсь перед ее памятью, перед самоотверженной женщиной, которая привезла в чужой сибирский и глухой край из далекой Украины свою семью, чтобы спасти её от голодной смерти. Спустя годы обо всем этом мне рассказывала бабушка. Ехали на время в надежде, что что-то изменится в жизни, а остались здесь навсегда. Так появился род Хомяковых на Конде.

ТРОПОЮ ПРЕДКОВ

Деревня Учинья существует с незапамятных времен. «Пауль Вищья», что в переводе означает «деревня у маленькой речки».

В прошлом люди селились в тех местах, где были хорошие рыбные речки, водилось много оленя, лося и разных пушных зверей. В районе Учиньи, на северной ее стороне, недалеко от реки, раскинулся учинский кедровник, протяженностью около десяти километров, шириной – до двух километров. В трех километрах от берега Конды, в бору, местные жители срубили себе юрты, занимались заготовкой кедрового ореха. Орех обменивали на необходимый товар, который привозили с русских мест – Гарей, Туринска и Тавды.

Прямо под горой у деревни Учинья ставили ес – это за-

Верхний ряд слева направо: Кауртаева Анастасия Ивановна (моя мама), Кауртаева Мария Тихоновна (моя бабушка), Хомяков Дмитрий (сын Федора), Попова Евдокия Никитична (жена Федора), Хомякова Евдокия Ивановна (моя бабушка), Хомякова Татьяна Маркаровна (жена Григория). Нижний ряд слева: Хомяковы – Николай (мой отец), Федор, Григорий, Хомяков Михаил (сын Григория и Татьяны)

пор для задержания рыбы. Этот запор кормил всю деревню, и людей, и животных. Рыбой кормили собак, да и курам рыбу подмешивали с картошкой.

В конце XIX века Учинья считалась достаточно большим поселением, было около двадцати юрт. Исследователь Севера П. Инфантьев в 1892 году писал: «Учинья – первый большой поселок ниже устья реки Мульмья, расположенный на крутом косогоре среди густого урмана. Посередине поселка дымилось большое «курево», в дыму которого тесно жались корова с теленком и несколько овец, спасаясь от комаров. Все обитатели пауля спали. Мы подошли к одной юрте, из ее настежь открытых дверей валил густой дым. «Что это такое:

уж не пожар ли?» – изумился я. Мой товарищ засмеялся: «У них каждую ночь пожары». Мы вошли в юрту, посреди пола стояло в большой глиняной жаровне «курево», в облаках его дыма крепко спали на нарах хозяин с хозяйкой и двое ребятшек, 8–10 лет...

Хотя, практически все жители селения говорили на вогульском языке, христианизация уже пустила свои корни и в столь отдаленные глухие уголки.

В 1891–1893 годах в Учинье стояла часовня, смотрителем которой был Михаил Степанович Филатов. «У моей бабушки, – вспоминает Ольга Кошманова (урожденная Тайлакова), – были русские иконы, бабушка иногда молилась на них, обращаясь к ним на мансийском языке: «Щим Торум» (Мой бог)».

Приняв христианского Бога, вогулы не отказались от своих языческих верований, часто рядом с иконой соседствовал сундучок с идолами, и, с самыми сокровенными просьбами люди шли на свои святые места, поклоняясь духам-покровителям.

На высоком берегу реки, недалеко от Учиньи стояли амбарчики на ножках – *уры, сумьяхи*, заполненные дарами духам-покровителям, деревья вокруг строений были завешаны платками, шальями, мехами. В тридцатые годы, когда на Конду свозили спецпереселенцев, именно на этом святом месте построили поселок лесников Верхний Барак, основной целью было – покончить с суевериями и доказать несерьезность языческой веры. Священное место было практически уничтожено...

По данным венгерского ученого А. Каннисто, в 1902 году в деревне Учинья проживало 16 семей вогулов, всего 71 человек. Почти все жители носили одну фамилию – Кауртаевы, исключение составляла одна русская семья из 4 человек. Ученый не описывает эту семью, фамилию и вообще, откуда

она появилась в Учинье. Кауртаевы же между собой не считались родственниками, а были однофамильцами.

До Советской власти в Учинье существовали свои законы – все уголья для промысла рыбы и охоты распределялись на сходе. Семье Кауртаевых, главой которой была Арина, имеющая четверых детей: Лаврентия, Настасью, Серафима, Семена и семья Кауртаева Василия Иосиповича с женой Марией, у них было двое детей – Тоня и Василий, им были выделены уголья в низовье р. Конды на левом берегу. Обе семьи поселились на большом половинном мысу, в том месте, где река, пройдя пятикилометровый плёс, возвращалась обратно, образовав перешеек. Позднее, рядом с ними выделили промысловые уголья моему деду Кауртаеву Ивану Андреевичу. Наши предки вели полукочевой образ жизни, на уголья выезжали с весны и до поздней осени, занимаясь охотой и рыболовством, запасаясь впрок пушшиной, рыбой, мясом, ягодой и многим другим необходимым товаром, как для собственного пропитания, так и для обмена и торговли с соседями.

В то время у моего деда Ивана и бабушки Марии семья была из пяти человек – старшая дочь Любовь и совместные дети: сын Василий (1911 г.р.) и дочь Анастасия (1914 г.р.) – это моя мама, она была самой младшей в семье. Угольями наделяли по количеству членов семьи. Выделенная деду Ивану территория его вполне устраивала: все лето большая дружная семья проводила в работе, они неводили на реке. Обычно дед управлял неводом на корме лодки, старшие дети гребли, а бабушка Марья с младшей дочерью вела невод по берегу, «стояли на пяте». Моя мама была тогда ещё совсем маленькой, но очень умело могла выкидывать нижнюю тетиву, ее для безопасности обвязывали вокруг поясицы верёвкой чтобы вместе с неводом не сдернуло в воду. Осенью, ночью неводили с зажженным фонарем, так как в это время

суток улов был лучше. Все лето женщины занимались переработкой рыбы: мелкую – сушили на урак, крупную вялили, коптили, заготавливали рыбой муку. Из рыбьих потрохов вытапливали рыбий жир, который предназначался не только для семьи, но и для продажи. Особенно славился на Конде окупёвый рыбий жир, потому что был совершенно прозрачным, без запаха, если его правильно приготовить.

Мужчины ежедневно проверяли в лесу промысловые ловушки на различных зверей и птиц, занимались ремонтом снастей. В течение лета собирали лечебные травы. Бабушка Марья знала много природных лекарств, была в деревне знахаркой, поэтому заготавливала их впрок. Сбором «лекарств» они занимались вместе с дедушкой: собирали живицу с кедра, которая очищала и заживляла гнойные раны. Собирали ветродуй с бересты молодых березок, который служил хорошим средством от простуды и заболеваний легких. Ветродуй парили, его принимали внутрь или просто дышали над паром. Самым хорошим и дорогим лекарством считалась губа лиственницы, очень горькая и ядовитая. Пить ее нужно было в маленькой дозе перед едой, она помогала при заболеваниях печени, избавление печеночного глиста, так тогда в народе называли описторхоз. Очень много людей умирало от этой болезни. Губа лиственницы в природе встречается очень редко: лично я за всю жизнь находил ее только два раза.

Всё лето семья Кауртаевых жила на своих родовых угодьях и только на зиму возвращалась в деревню. С возрастом кочевать было все труднее, перевоза семью с места на место весной на угодия, а осенью вселения. Однажды деду Ивану с бабушкой Марьей пришла мысль – переехать на постоянное место жительства, на промысловые угодия. Так в 1924 году дед Иван обосновался на высоком правом берегу, где высился сосновый бор. Это место словно было им пророчено судьбой, потому что располагалось оно на половине пути между

деревней Тап, это одна половинка откуда родом была бабка Марья и деревней Учинья, это вторая половинка, откуда был дед Иван. Назвали они это место ласково – «Половинка», то есть половинка пути между двух деревень.

В первый год они прожили в небольшой избушке, на следующий год, наняв русских строителей, построили большой дом, покрыли его пиленой доской. В тот год промысел рыбы был хорошим, поэтому было чем рассчитаться со строителями. Через год из старого стойбища в Половинку переехали обе семьи Кауртаевых. Семья Арины перевезла свой старенький домик, а Василий Осипович построил на самом высоком берегу новый двухэтажный дом. Очень красивым он получился – дом был покрыт пиленой доской, сени также были обшиты досками, что считалось для того времени некой роскошью.

Через год из деревни Токлован в Половинку переехала семья Мотышева Тихона Григорьевича, их дом стоял на берегу, у обрыва. Вскоре в эти места подселились жители д. Тап и семья Хомяковых с тремя сыновьями и дочерью. К 1930-м годам на родовом угодье Кауртаевых насчитывалось уже 13 хозяйств, численность населения составляла 66 человек.

Таким образом, промысловое угодье кондинских манси рода Кауртаевых со временем преобразовалось в деревню с красивым названием Половинка. Расположилось оно на Большом Павинском плесе, протяженностью три километра. Вверх по течению от деревни, в Конду вливается речка Пава, ниже по течению на таком же расстоянии вливается речка Рахта. За деревней поля и сосновый бор кажутся бескрайними. Сосновый бор тянется на десятки километров в полуденную сторону.

Именно с этой деревни разрослись корни рода Хомяковых, и зародилась новая история моего украинского рода Хомяк.

Маленький поселок жил своей тихой привычной жизнью до середины пятидесятых годов, затем на Конде стала бурно развиваться лесная промышленность. Леса вокруг Половинки стали называться половинкинскими борами. В районе деревни планировалось построить поселок лесников и поэтому будущий леспромхоз назвали половинкинским. Потом планы поменялись, поселок построили там, где он стоит и сейчас. Чтобы не путаться в названиях, старую деревню стали называть Старой Половинкой.

ДЕТСТВО МОЕ – ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

Родился я осенней ночью девятнадцатого ноября 1930 года. Мама рассказывала: «Ночь была морозная, река в тот год рано встала, что случалось очень редко в это время года». В наших краях время, когда река покрывалась льдом, называли – рекостав.

Я появился на свет черноглазым, на затылке у меня красовались длинные черные волосы, словно маленькая косичка. В народе эта примета считалась верным признаком, что следующим ребенком обязательно родится девочка. Так и вышло, после меня родились три сестрички: Катя, Ольга, Вера.

Детство мое прошло в деревне Половинка, в ней когда-то мой дед первым построил свой дом, в ней встретились мои родители. Деревня стояла на высоком берегу реки Конды, богатой запасами рыбы, зверя, птицы. Пойма реки насчитывает 700 километров, река простирается с запада на восток. В Конду впадают многочисленные речки, в том числе Мулымя, Нерпалка, Ушинахская, Тап, Юконда. Левый северный берег реки сильно заболочен за счет множества больших и малых озер. Правый берег имеет совершенно другой облик: высокий, местами достигает 40–50 метров. Берег обрывистый, его постоянно подмывает водой. В прошлом по этому

берегу простирались высокие бугристые боры с белым мхом, а сосны в высоту под 20–28 метров, их сучья находились на самой макушке ствола, такой лес назывался – кондовым. В народе ходила молва, что в древности именно из-за кондового леса реку назвали Кондой.

Вокруг нашей деревни росли в изобилии ягоды и грибы, мы лакомились дарами природы. Взрослые набирали их пайбами – большими берестяными туесами. В лесу водилась разная дичь, мужчины охотились на глухарей, косачей, капалух, а на речках Рахта и Пава было много ершей. Будучи подростками, мы черпали их саком прямо из речки. Бывало, подтащишь полный сак к берегу, а вытащить не можешь – не хватает силенок, и тогда выбираешь самых крупных. Наберешь сколько надо, а остальных обратно в воду отпускали. Жили мы с родителями в небольшой избе, который отец переделал из дедовой бани. Наш дом стоял у самого леса, возле дороги, ведущей на Нижний Барак, который в то время был лесозаготовительным участком.

Мать с отцом с утра до вечера работали, хозяйство было большим. К нам на помощь переехали жить родители отца – бабка Авдотья и дед Кузьма, так я называл их с детства. Они нянчились со мной и помогали родителям по хозяйству. Каждый вечер дед рассказывал разные сказки, а усыпляя – пел мне колыбельные песни. Дед много рассказывал о своей жизни: как жил, чем занимался, как участвовал в первой Германской войне, как был в плену у немцев, рассказывал об их нечеловеческом отношении к пленным. Я всё внимательно слушал, обдумывал и понимал, что эти люди способны на все, чтобы уничтожить русский народ.

Бабушку Авдотью очень любила вся деревенская ребятня. Вечерами собирались вокруг неё, слушали истории о царских временах, слушали сказки, былины и разные случаи из её жизни.

Теплые воспоминания из детства связаны у меня и с родителями моей мамы – дедушкой Иваном Андреевичем и бабушкой Марией Тихоновной. Когда мне было 5 лет, помню как каждый раз, приехав из леса, они звали меня к себе. Дед усаживал меня на табуретку, сделанную им из осинового чурки в форме гриба и сверху обшитую мягкой оленьей шкурой. Бабушка в берестяной чумашек накладывала отваренный урак, в другую посудину наливала рыбий жир и показывала, как надо кушать. Мне очень нравилась эта еда. А уху мы ели в прихлебку с толокном, которое бабушка готовила из пшеницы или ячменя. Зерно очищала от пыли и мусора, засыпала в нагретый котел, установленный на печи. При нагревании зерно потрескивало и становилось золотистого цвета. Затем

Справа налево: Кольшева Дарья Перфильевна (моя крестная, на руках я), Хомякова Евдокия Ивановна, Каургаева Мария Тихоновна (мои бабушки). 1931 год

зерно бабушка, размалывала на жерновах, просеивала, отделяя от отрубей. Толокно заменяло хлеб. Его ставили на стол в отдельной чашке, небольшими порциями клали в рот и прихлебывали супом или ухой.

Осенью, когда выпадал снег, дедушка Иван делал для меня разные подарки. Помню однажды утром он пришел, разбудил меня, помог умыться и повел к себе. Там достал деревянные санки, просмоленные и высушенные, с загнутыми полозьями. Никто не видел, когда он их делал.

Но это еще не все: из угла принес новые бродни из оленьей кожи, голяшки промазаны дегтем, просушены, внутрь бродней были вложены свежие, сенные стельки из соломы. Как сейчас помню: дедушка намотал на мои ноги байковые портянки, обул меня в новые красивые бродни, еще не утратившие запах свежего дегтя, усадил на санки и стал катать по двору. Затем стал учить меня, как кататься с горки и подниматься на гору, чтобы не скользили ноги. Ходить кататься, далеко не надо было, дом стоял на берегу озера, а за озером находилась гора.

Я подрастал, помогал дома по хозяйству. В свободное время играл с ребятами на улице. Игры в моем детстве были подвижные, в основном на свежем воздухе. О них сейчас уже мало кто помнит. Хочется рассказать о некоторых, вдруг у кого-нибудь из современных ребят проявится интерес к забытым играм предков. О некоторых из них я расскажу:

Игра в котел.

На игровой площадке в центре делают игровую лунку (котел), углубление сантиметров 5, а в диаметре чуть больше игрового мяча.

На расстоянии 2,5 – 3 метров от котла, по кругу, каждый игрок делает свою лунку поменьше. Каждый игрок тянет короткую и длинную палочку. Кто вытянет короткую спичку, тот галит (водит). Палочки, предлагаемые игрокам, все длинные и только одна короткая.

Водящий из котла выгоняет мяч и старается загнать его в лунку к любому игроку, который в свою очередь старается стремительно отбить мяч, не позволяя водящему игровой палочкой занять его лунку. Если галильщик успеет вперед хозяина поставить свою палку в лунку или загнать в неё мяч, то хозяин занятой лунки становится водящим.

Игра в бабки.

Бабки – суставные кости ног крупных животных.

Названия бабок:

Панок – крупная бабка, она служила для выбивания бабок с коня. Все остальные бабки ставятся на кон:

1. Валец; 2. Карлюшка; 3. Шлюха – двойная широкая бабка; **4. Все остальные** – просто бабки.

Подготовка к игре:

Расставить бабки на кон. Очертить вокруг ряда бабок расстояние на ТРИ бабки.

Отмерить от коня расстояние ПЯТЬ шагов. Провести стартовую черту. От неё ведется розыгрыш коня. Берут одну спичку короткую, остальные – длинные. Кто выдернет короткую спичку, тот бьет первым.

Ход игры:

От удара панком по коню, в случае попадания: вылетевшие за черту бабки считаются выигранными. Бабки, не вылетевшие за черту, ставятся обратно на кон. Промахнувшийся игрок выставляет свою штрафную бабку.

Затем бьет следующий и т.д. Не вылетевшие через черту бабки, ставятся обратно на кон, промахнувшийся выставляет свою штрафную бабку.

Вот еще одна интересная игра:

Игра «Двенадцать палочек».

Для игры требуется 12 палочек величиной с карандаш, примерно 20 см. Поперек круглой чурки кладут доску, один конец ее должен быть длиннее, он лежит на земле, другой – короче, поднятый вверх. На длинный конец доски кладут 12 палочек. Число игроков не ограничено.

Правила игры:

Игра начинается со считалки: выбирается «водящий».

Все игроки разбегаются в разные стороны, прячась. Пока «водящий» отходит от 12 палочек, в поиске игроков, любой

выбежавший бьет ногой по короткому концу доски, разбивая аккуратно уложенные палочки. Если «водящий» успеет поймать, хотя бы одну палочку, тот игрок, который ударил по доске, будет «водящим».

Вот такие игры были в нашем детстве.

Как и все дети, мы любили потешаться, порой даже не задумываясь над своими поступками. Вспоминая сейчас эти шутки, становится как-то стыдно. У нас в деревне жила бабушка Дуня, моего дяди Федора жена, сильно делала «муслим». Это такое до сих пор не изученное действие вроде испуга. Летом на улице, наварит бабка Дуня картошки в чугунке, несет на ухвате к столу, и только стоит хлопнуть в ладоши да крикнуть: «Брось бабка Дуня чугунок!» Она и бросит его, картошка разлетится в разные стороны, а мы дальше кричим: «Пни чугунок!» Она его пнёт а сама приговаривает на мансийском языке: «Ялнаер кульнаер» да подпрыгивает с ноги на ногу. Когда опомнится, схватит палку и за нами бежать. Мы наутек, только нас и видели.

Бывало, несет бабушка Дуня воду с Конды на коромысле, а ребята сзади подкрадутся да крикнут: «Брось коромысло!» она бросит, ведра под гору укатятся. Конечно, родители нас за это ругали, а сами были не прочь при возможности тоже подшутить над старушкой.

Так мы играли и шутили, особенно вечерами, на берегу реки устраивали крик, визг, веселье. Старики нам всегда говорили, что нельзя шуметь после заката солнца, так как всякое может случиться.

Однажды в нашей деревне произошел такой странный случай. Каждый месяц посылали одного из колхоза нарочным в сельский совет поселка Ягодный, находившегося в 40 километрах от нашей деревни, за хлебными карточками, или за заработной платой. Лето, погода стояла хорошая. На этот раз пошел Кауртаев Лаврентий Егорович. Он должен

был обратно вернуться на следующий день. В ожидании его, вечером следующего дня, вся молодежь собралась на берегу реки: ждем нарочного как из печи пирога, развеселились, расшумелись, и, вдруг услышали, кричит дядя Лаврентий: «У-у-у-у, пе-ре-ве-зи-те!».

Четверо ребят быстро сели в лодку-кедровку и поехали к речке Пава, расстояние до которой, примерно, один километр; остальные остались ждать на берегу. Проходит время, ребята возвращаются, а Лаврентия нет. «Где он?» – удивленно спрашивают ребят, а они отвечают, что когда подъехали, никого там не оказалось. Наверное, он ушел и перейдет речку по свалившемуся дереву в другом месте. Но в тот вечер Лаврентий так и не вернулся. Только через три дня он пришел, покричал и его перевезли. Оказалось, что он задержался в Ягодном. Бабушка Марья нам говорила, что это кричал хозяин леса, так как он не любит, когда вечерами шумят, да еще во время ожидания кого-либо. «Там, где вы шумели, у самой реки стоят листовницы, это заверованные места (шайтанские), хозяин все знает, что мы тут делаем, – говорила бабушка. – Шуметь нельзя, так как он может прийти в деревню ночью и напугать». С тех пор мы стали остерегаться и вечерами старались не шуметь.

До этого был еще случай. По рассказу бабушки Марьи, примерно, в 1922 году, Василий Осипович взял в жены из деревни Учинья русскую женщину, вдову – Нину Семеновну. У него от первой жены осталось двое детей: старший сын Василий и дочь Тоня лет десяти. Жили они в старой деревне, на перетаске. Нина Семеновна была очень опрятной женщиной, чистюлей, и детям не давала лишний раз посидеть без дела. Однажды она сказала падчерице помыть пол в избе, но та по какой-то причине эту работу не сделала. Вернувшись, Нина Семеновна в сердцах побила девочку и сказала: «Подхвати тебя лесной!» В тот же день девочка исчезла из дерев-

ни. Начались поиски, искали её везде, вокруг деревни весь лес осмотрели. Позже люди стали находить венички из веток березы, которыми отмахиваются от комаров. Находили их и на берегу Конды, в сторону деревни Учинья, это километров пять-шесть от нашей деревни, из которой она ушла босоногой в одном летнем платишке. Лето, очень много комаров, никто не думал, что она выживет. Через две недели рано утром старенький дед вышел на берег Конды, сделал курево, закурил трубку и стал строгать жальё. Строгает и слышит изредка голосок: тоненький и тихий. Дед прислушался и понял, что голос слышится с речки Осыпья. Столкнул он лодку на воду и поплыл вдоль бережка. Плывет, а сам о Тоньке думает: «Вдруг она? Она, наверное, одичала, поймаю ли я ее?». Приготовил поясок, подплыл к устью реки и видит: от берега струится пенка по воде. Дед, не доплыв до этого места, остановился, быстро сошел с лодки в траву, видит: сидит на кочке Тонька, побалтывает ногами в воде и реденько издает протяжные звуки. Схватил ее дед на руки, а в ней веса совсем нет, вся высохла, всё тело искусано комарами. Связал он ее, положил в лодку и поехал в деревню. Привез, разбудил семью Василия Осиповича, стали они понемножку откармливать девочку. Она и говорить не могла, только через месяц стала выговаривать слова. Ее стали расспрашивать: где была, как жила в лесу на комарах, что кушала? Она рассказала, что ходила со стареньким дедушкой, он водил ее за руку, не отпускал никуда от себя. Потом дедушка дал ей вкусный хлеб, конфеты и сказал, что она пойдет домой. Привел на берег, посадил и наказал сидеть и никуда не уходить. Оставил и ушел. Много было таких случаев в разных деревнях в те годы.

Когда мне было шесть-семь лет, моя бабушка Авдотья (мать моего отца) – брала меня на поля, где сеяли пшеницу, рожь, овес. Она серпом жала хлеб и учила меня, как правильно держать серп, чтобы не порезаться, как жать хлеб, как де-

лать вязки для снопов из соломы и вязать их. Поля тогда у нас были свои. Снопы сушили в суслонах, затем на лошадях увозили на гумно (место для укладки снопов). У каждого хозяина было место, где он клал снопы в кладь. В кладь они хранились до морозов, затем на санях их вывозили на реку и складывали на расчищенный от снега лед. На реке разрезали вязки и укладывали снопы в ряд, вставляли по обе стороны с ручными молотилами-цепами и, в такт, как барабанная дробь, молотили их. Если на улице стоял мороз, звук разносился очень далеко. Зерно веяли на ветру, подбрасывая сверху деревянной лопатой. Ветром пелеву относило в сторону, а очищенное зерно складывали в мешки. Пелеву собирали и увозили на корм скоту. Солому от овса и пшеницы, тоже готовили, как корм, а ржаную солому использовали на подстил.

Во время уборочной, зерно несколько снопов приносили домой, и сушили на русских печах, затем мололи вручную на жерновах. Жернова в деревне были роскошью, их имели только четыре хозяина. Молотое зерно сеяли решетом или ситом, получалась мука. В русских печах пекли ароматный ржаной и пшеничный хлеб, но самым сытным был комбинированный, когда ржаная мука перемешивалась с пшеничной мукой. Этот вкус, я запомнил на всю свою жизнь.

Примерно с 1936 года начали образовывать рыбартели. В нашей деревне Половинке была организована «рыбартель имени Сталина». Вступая в нее, люди сдавали коров, овец, лошадей. На полях в то время выращивали овес, рожь, пшеницу и ячмень, теперь все это принадлежало колхозам. С дворов забрали весь скот, особенно лошадей, позволяли держать только одну корову. Заставляли сдавать и промысловые снасти: сети, невода, лодки-кедровки. Местных жителей принимали на работу рыбаками. Людям пророчили светлое будущее и все в это верили. После образования колхозов и

рыбартелей в каждой деревне стали открывать магазины, рыбоприемные засолочные пункты, где принимали от рыбаков рыбу.

В 1936 году у нас в семье родилась моя сестра Катя. Дед Иван отдал нам свой большой дом, а сам с бабушкой Марьей переехал в нашу избушку. Вот так началась наша новая жизнь. Родители летом работали на рыбалке, они были в одной бригаде. Зимой же отец работал охотником, а мама скотником на ферме. В то время я уже ходил в школу в деревню Верхний Барак. Тогда мне шёл уже одиннадцатый год.

ВОЙНА

В апреле или мае 1941 года, перед самым началом войны, произошел случай, который запомнился мне на всю жизнь. Вечером у нас в избе стало вдруг всё красно. Все засуетились, бросились к окнам и увидели, что все небо было багряно-алым. Мы выбежали на улицу, даже мороз по коже пошел: что это такое и к чему бы? Старушки – бабушка Марья и бабушка Авдотья стали молиться. Небо сначала было красным, затем кругами стало смешиваться с черными полосами, похожими на грозные тучи. Затем черные полосы меняли цвет, то становились белыми и тут же превращались в бордовые круги. Явление длилось пятнадцать-двадцать минут, затем стало все бледнеть, и через некоторое время небо совсем очистилось, как будто ничего и не было. Многие говорили, что это северное сияние, а старые люди предсказывали большую беду. Было много разговоров по этому поводу.

Когда двадцать второго июня объявили о начале войны – этому никто не удивился.

Я очень отчетливо помню, как сразу изменилась деревня. Прекратились смех, шутки, люди стали ходить угрюмыми. Каждый день ждали повестки на фронт, мужчины были го-

товы в любую минуту распрощаться с родными. У каждого были приготовлены: кружка, ложка, пара белья...

Больше всего мне запомнился день, как на фронт забирали отца, это было в июне 1942 году. Вечером к нам домой пришел Тайлаков Семен Антонович, поговорив с отцом, взял его за руку, три раза обвел вокруг стола, сказав: «Вернешься ты домой, Николай, что бы с тобой ни случилось».

С села Шаим шел катер, по всем населенным пунктам Конды собирал мужиков, кому были вручены повестки на фронт, он вез их до Нахрачей. Когда катер причалил к берегу, в нашей деревне начался жуткий плач. Трудно его передать словами, женщины и дети, вцепившись руками в родных, кричали, не отпускали их. Но вот катер дал последний сигнал об отходе и медленно стал отчаливать от берега. Катер отходил, а мы тут же падали в лодки и плыли к перетаску,

Образование колхоза в д. Учинья. 1930 г.

Уполномоченный из района и организованный продовольственный отряд

который находился всего в 100 метрах от реки. Катер огибал пятикилометровый мыс около часа, а мы уже ждали его за мысом. Когда он стал проплывать мимо берега, люди кидались в воду, тянули руки, плакали, рыдали. Я тогда почувствовал, что могу больше никогда не увидеть отца. Я бежал вдоль берега параллельно с катером, громко рыдал и кричал, звал отца. Так я бежал до тех пор, пока не возникла на моем пути преграда – разлившаяся речка Осьпья. Я упал на землю вниз лицом, плача от горя, слушая рокот удаляющегося катера. Он увозил от меня в неведомую страшную даль самого дорогого человека, и как мне тогда казалось, увозил навсегда.

Мне еще не было одиннадцати лет, а я как самый старший из мужчин, остался вместо отца. У мамы в войну нас было трое, еще младшая сестренка Катя и брат Иван, родившийся в день начала этой страшной войны.

Мама с утра до позднего вечера работала в колхозе. С младшими детьми водилась бабушка Авдотья, а дедка Кузьма тогда совсем разболелся и слег. Мы, старшие дети, ухаживали за ним, топили печь, кормили его. Этой же осенью, по состоянию здоровья колхоз решил вести деда в старческий дом. Отправляли его на катере с открытой баржей. Вся деревня собирала его, каждый помогал, кто чем мог: старенькой одеждой, картошкой, хлебом. Принесли его к пристани на носилках. Этим же рейсом из нашей деревни в Нахрачи ехал Новоселов Александр Михайлович, по приезду домой он рассказал, что дед Кузьма по дороге умер. Его довели до рыбоучастка в Устье-Аха и, чуть ниже приемного пункта, похоронили на высоком берегу реки. Он был похоронен без гроба, завернутый в мешковину. Когда я подрос, общался с людьми-старожилами, они припоминали этот случай, но могила, к сожалению, давно обвалилась и была смыта водой.

С началом Великой Отечественной войны в деревне Половинка посевные площади сократились, в основном остались

картофельные поля, и поля для посева овса на корм лошадям. Все здоровые мужики ушли на войну, даже те, молодые студенты, кто учился в Салехарде, Нахречах, Остяко-Вогульске. В деревне остались пожилые и те, кто был не совсем здоров, только и их в 1942 году забрали в трудовую армию. Совсем сократилась численность рабочих в колхозе.

Председателем колхоза в то время была Мотышева Таисия Евменьевна. По возрасту, она была старше всех деревенских женщин, русская, грамотная. До войны она вела ликбез — учила взрослых. Я тоже ходил с родителями на занятия, мне очень нравилось. Бригадиром по сельскому хозяйству была Албычева Елена; звеньевыми в рыбацких бригадах работали Хомяков Дмитрий Федорович и Тайлаков Семен Антонович; в составе колхозников: моя мама Кауртаева Анастасия Ивановна, Казанцева Александра, Шимова Олимпиада Максимовна, Кауртаев Лаврентий Егорович, Розмановы — два человека, Куковин Степан Васильевич, Шимов Руслан Максимович, Исыпов Федор Иванович, Мотышева Анна Тихоновна, Кауртаева Фаина Лаврентьевна, Кауртаева Валентина Лаврентьевна, Кауртаева Лухерья Ефимовна, Рыжкова Агафья Васильевна.

Шло время, люди работали, ждали писем с фронта, одна мысль беспокоила каждого: когда же конец этой проклятой войне. Условия жизни были тяжелыми. Проработав год, на заработанные трудодни зерно колхозники уже не получали. Годового заработка хватало лишь на ежедневное получение пайки хлеба, сахара и масла. Продукты все отпускались по карточкам. Хлеб в магазине взвешивали на весах, отрезали ровно столько, сколько полагалось, продавец отрезал талончик и оставлял себе для отчета. Карточку берегли как ценность: ее потеря означала голод и смерть, так как в то время никто не смог бы помочь, потому что помочь было нечем.

В ту пору, в тяжелые военные и послевоенные годы лю-

дям помогала тайга и река Конда-кормилица. К рыболовецкому делу я пристрастился, как говорят, раньше, чем начал ходить. Как только в колыбели я произнес свое первое слово, так сразу получил в руки самодельную игрушку — огромную рыбу, вырезанную из дерева. У нашего народа игрушки делались из дерева, рыбьей кости, меха или пуха птицы. Для сестренки мама шила мансийские куклы из лоскутков ткани.

В 1943 году я закончил четвертый класс в Половинкинской школе, дальше нужно было ехать учиться в поселок Ягодный. Бросить маму одну в такое время я не мог, поэтому пришлось оставить учебу и пойти работать в колхоз. В колхозе работали женщины и дети. Содержали два десятка крупного рогатого скота, столько же лошадей и шестьдесят овец. Летом заготавливали сено, косили вручную, техники не было. До колхоза доводился план по добыче рыбы, его нужно было выполнять в строгой отчетности. Сводки отчета отправляли в район и без малейших опозданий через пешеходов или конным путем. Всё было очень строго.

Летом воды на реке было мало и нас, подростков, направляли неводить на пески. Мы неводили на трех песках ежедневно: Мысовской, Глубокий и Заречный на реке Конда. Рыбачить ездили на лодках с веслами, моторов тогда не было. На Заречном песке рыбацкий стан был: юрта с потолком из круглого леса, чужал в углу и нары, на которых мы спали. В то время у нас, детей, ответственности и заботы было, как у взрослых. Нам давали план по добыче рыбы, и мы старались его выполнить. Домой рыбу брать не разрешали, давали только самую мелкую, негодную к приемке. Рыбакам давали норму притонений, неважно, ловится рыба или нет. Невод должны были забрасывать через каждый час.

Был такой случай на соседнем песке: рыба совсем не ловилась, в тони попадалось небольшое количество мелкой

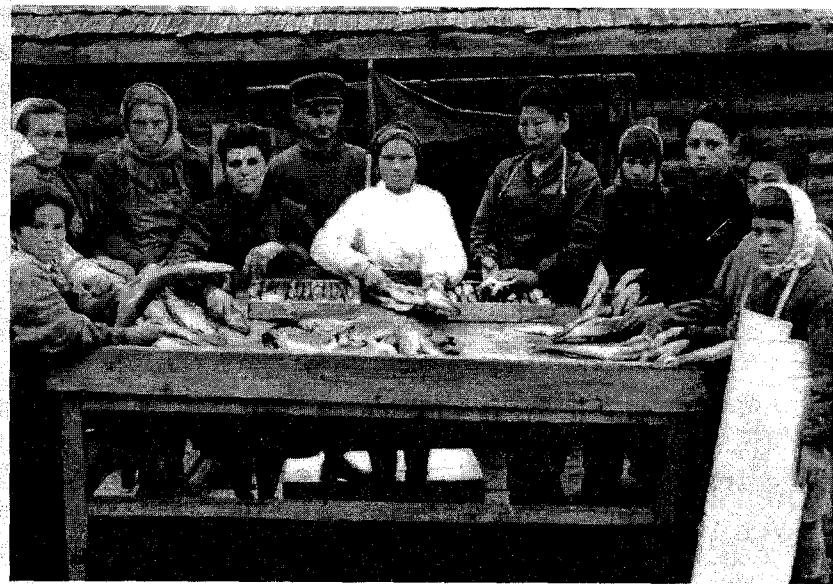
рыбешки. Бригадиром там был Тайлаков Семен Антонович. Решив отдохнуть, они пропустили несколько тоней.

Лето стояло жаркое, дул слабый ветерок, невод быстро высох, а в это время, как на грех, подъехал уполномоченный из района для проведения собрания и контроля по вылову рыбы. Увидев сухой невод и отдыхающую бригаду на берегу, он стал кричать, что идет война, гибнут люди, а вы тут прохлаждаетесь. Составил протокол и уехал. Через десять дней бригадире пришла повестка в суд. Уехал он и обратно не вернулся, посадили его на шесть месяцев в тюрьму города Тобольска. Но не прошло и трех месяцев, Семен Антонович вновь был с нами. Ходили слухи, что он знал молитву «о скором возвращении».

Возвращение Тайлакова для колхоза было большой радостью, ведь рабочей силы не хватало, планы из района присылали все больше и больше, а из мужчин остались в то время Кауртаев Лаврентий Егорович и подростки Хомяков Дмитрий и Куковин Степан, которым уже доверяли звено рыбаков. Порой, когда шла рыба, рыбачили круглыми сутками. Рыбу сдавали в Учинском приемном пункте, находился он в 18-ти километрах от деревни. На греблях вручную рыбу возили сдавать в Учинью.

Самой сложной была рыбалка в зимнее время. Женщины и мы подростки облавливали речки, неводили на большом озере, долбя почти метровый лед.

В те годы разрешали «душить» речки, хотя этот губительный способ был запрещен, но фронту нужен был этот золотой продукт. Иногда можно было в среднем за неделю сдать до тридцати тонн крупной рыбы. Сам процесс обработки духовых речек был очень сложным и трудоемким. «Душили» землёй, для чего вначале её нужно было протаять, разжигать костры и поддерживать их. Реку наглухо перекрывали наколотыми вручную досками. Сусек из досок поднимали на уровень берега до двух метров высотой. Делать всё это нужно

Бригада рыбообработчиц на разделке рыбы. Учинский рыбозавод. 1944 год

было быстро. Часть людей выкидывала из ямы землю, другие перетаскивали эту землю к речке, засыпали ее в сусек, а там, те, кто посильнее чухмарками (в виде большой колотушки) и длинными пестами трамбовали землю. Ни о каком перекуре, пока полностью не закончат плотину, и мыслей не было. Уставшие люди тут же делились на две смены и сразу приступали к рыбалке. Рыба подступала к устью, её вычерпывали, замораживали и сдавали. Ниже по реке в два ряда устанавливали саипы (мерёжные мешки) для ловли язя. Протягивали их через прорубь под лед, каждый по отдельности. За день, продолбив лед, нужно было проверить около двенадцати саипов. Бывало, что в одну такую ловушку попадало около тонны язя. И всю эту работу выполняли женщины и подростки, да больные мужики. Цель у всех была одна – быстрее разгромить фашистов.

Война шла уже третий год, казалось, что все к этому уже привыкли, и не только люди, но и животные. И все жили впроголодь. Коровам и овцам давали отруби и немного картошки, лошади кормились одним сеном. Только тех лошадей, на которых работали в связи, кормили овсом и сеном. На лошадях возили почту, этот способ назывался «веревочка». Почту возили из Остяко-Вогульска (ныне г. Ханты-Мансийск) через поселки Нахрачи, Леуши, Луговой, Учинья, Шаим. На всем протяжении пути в каждом колхозе в полной готовности стояли две-три лошади с санями и начищенной сбруей. Как только подъезжала упряжка, перегружали груз из одних саней в другие и сразу же под звук колокольчика под дугой, другая почтовая упряжка уже покидала деревню. В зимнее время колхозы немного зарабатывали от перевозки почты, а летом ее доставляли катером, который считался самым быстроходным. До 1943 года катера работали на солярке, а потом стали работать на газочурке, её готовили колхозы и держали под навесом вблизи берега у причала.

От отца долго не было весточек, а потом пришло извещение, что он пропал без вести. Это было первая повестка, затем приходили ещё и ещё, в итоге пришла похоронка. Слезы и горе охватили нашу семью. Чуть позже в деревню пришли ещё похоронки: на моего дядю Федора Власовича и на Кауртаева Прокопия Леонтьевича. Нам, детям, очень хотелось на войну, убить хоть одного фашиста. И было обидно, что мы еще не доросли. Здесь, в деревне мы старались своим трудом хоть как то помочь фронту. Мы были пионерами и хотели быть похожими на пионеров-героев, о которых уже писали в газетах. А еще в газетах печатались и карикатуры на Гитлера, например, как русский солдат пронзает его штыком винтовки. Разглядывали мы эти рисунки, и на душе становилось чуть легче. Иногда вечерами люди собирались на берегу реки, разжигали костер, под наигрыш балалайки, пели

частушки, которые сочиняли сами о Гитлере. До сих пор я их помню:

«Сидит Гитлер на березе,
Плетет лапти языком,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком»,

или:

«Сидит Гитлер на березе,
Просит банку молока,
А доярка отвечает:
– Не доёны трактора!».

Кто пел, кто смеялся, а кто-то украдкой шмыгал носом, вытирая слезы. Шли разговоры о войне, все надеялись, что скоро она закончится. Когда люди слышали очередные сообщения с фронта, что наши войска освободили какой-либо город, в деревне был праздник – любая победа вселяла уверенность, что близок тот день, когда закончится война, мужики вернутся домой.

Вскоре в деревню стали возвращаться раненые солдаты из госпиталей, их встречали всем селением, расспрашивали о своих родных. Раненые бойцы, не успев окрепнуть, тут же брались за работу. У жителей поселка поднималось настроение – домой возвращаются мужчины. Но, несмотря на это, в нашем колхозе жить было трудно, так как почти никаких продуктов колхоз не производил. Масло, которое делали, сдавали в план государству.

Люди получали хлебные карточки и продовольственные талоны на масло и сахар. Хлеб, тем, кто работал, выдавали по пятьсот грамм в сутки, а иждивенцам по двести пятьдесят.

Очень запомнилось, когда в 1944 году в поселок привезли муку, перемешанную с полыньёю. Хлеб, выпеченный из неё, есть было невозможно, он был горьким, но деваться некуда. Одно время муку привезли с песком, хлеб на зубах хрустел,

Моя мама Кауртаева Анастасия Ивановна

а черный хлеб получался плотным, как кусок мыла, даже к зубам прилипал. Но все приходилось кушать. Пайку хлеба брали молча, без всяких претензий, все понимали – война.

Да, приходилось переносить многие трудности. Мы, молодые, смогли перенести, а старенькие люди все почти умерли за годы войны, так и не дождавшись победы. Так случилось и в нашей семье. Бабушка Мария Тихоновна умерла в 1944, дедушка Иван в 1943 году. Похоронили мы их, жить стало ещё труднее. Мать работала с утра до ночи в колхозе, где не было практически никакого заработка.

Подрабатывала она и уборщицей в школе-интернате, там хоть немного платили. Я во всем старался помогать маме, делал любую работу. К 14-ти годам научился охотиться, строгать лодки, рыбачить, доить корову, работать в поле, самостоятельно готовить рыболовные и охотничьи ловушки.

Я благодарен моим дедушкам и бабушкам за их доброту и заботу о нас в тяжелые годы войны, до окончания которой они не дожили. Многому еще можно было у них научиться, но в то время мы об этом не думали. Жизнь заставляла меня, по мере взросления, осваивать многие ремесла. Обучился бондарному делу, кладке печей, изгот и многих ходовых вещей.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Утром 9 мая 1945 года никто еще не знал об окончании войны, каждый занимался своим делом. В нашем доме тоже шла уже ставшая обыденной – жизнь. Все проснулись. Я пошел на речку Рахта, там у меня стояла сеть. Проверив её, добыл одну щуку, шел домой. Выхожу из леса и слышу, что в деревне происходит что-то необычное, громко разговаривают люди и играет гармонь. Приближаюсь к дому, мама бежит навстречу, плачет и смеётся от радости, кричит: «Война закончилась!» Подбежала ко мне, обняла меня, прижала к себе плача от радости и горя. На берегу у магазина собрались люди, всех объединяла одна радость, что закончилась война. С Учиньи приехала радистка, привезла с собой баян. На берегу реки люди радовались и плакали, у многих на руках были похоронки.

Хотя закончилась война, но люди по-прежнему испытывали нужду: недостаток хлеба, одежды. Планы колхозу давались ещё больше, чем в военные годы. Одним словом, люди продолжали работать с утра до ночи, словно не наступило мирное время. Рабочих рук по-прежнему не хватало.

Вскоре была объявлена первая пятилетка восстановления народного хозяйства. Шла подписка займов государству, поэтому пять послевоенных лет пришлось работать с наибольшей нагрузкой. Выходных у людей не было, рабочий день был не нормированным. На все работы были отведены определенные нормы, и их обязательно нужно было выполнить. Все, кто держал в хозяйстве крупный рогатый скот: коров, лошадей овец, кур, облагались налогами. Даже огороды стали замерять: маленький – под мелочь, большой – под картофель; учитывали поголовье скота, птицы и земли, использованные частным хозяйством. Учитывалась и колхозная земля, посеы ржи, овса, пшеницы. Удивительно то, что сея-

ли, хорошо произрастало, хотя никаких удобрений не было, навоза не хватало даже на огород под картофель.

В 1945 году в нашу семью снова пришла беда, умерла бабушка Авдотья, ей было где-то лет 78–79. Мама с нами осталась совсем одна. Ване только исполнилось 4 года, Кате только 8 лет.

Жизнь была очень сложной, я и многие мои сверстники, окончив 4 класса, стали работать в колхозе. Выполняли любую работу. Будучи рыбаками, долбили лед пешней несмотря на морозы – 40° и выше. Лед достигал в толщину 80–100 см, чтобы такой лед долбить, нужна была смекалка и хороший инструмент. В 14-летнем возрасте я получал норму по выдалбливанию льда такую же, как взрослые опытные рыбаки. Норму выполнял в течение рабочего дня. Большие проблемы были с нехваткой обуви и одежды. За зиму по несколько раз приходилось чинить свою обувку. Из старой довоенной одежды то, что получше, перекраивали и перешивали на шапки и рукавицы. Большие проблемы были и с жильем. В деревнях в то время в основном строили не дома, а избушки, больших домов стояло один, два, не более добротных, построенных русскими. Жили в каждом доме по 2–3 семьи.

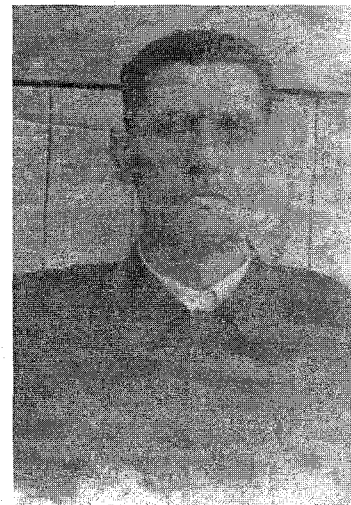
В деревню приходило много чужих людей, они вступали в колхозы. Причины были разные, кто сбегал с заводов Свердловской области, а кто-то переезжал из деревни в деревню в надежде хоть как-то прожить.

Однажды холодным январским вечером 1946 года в дом вошел худощавый высокий мужчина без левой руки. «Ну, вот и я. Не ждали?» – сказал он. Это был мой отец, которого в мыслях мы уже похоронили и оплакивали. Сколько радости и счастья прибавилось в нашу семью, мама плакала, мы прижимались к нему, у нас появилась надежда, что жить станет легче, ведь в дом вернулся хозяин.

Стали быстро собирать на стол, отец достал большой бу-

мажный сверток, развернул его, мы увидели большой кусок сала. В тот день был настоящий праздник, мы давно не были так счастливы и сыты. После того, как отец немного отдохнул, мама стала его расспрашивать, где он был все эти годы. Он с болью и горечью, со слезами на глазах начал свой рассказ: «При наступлении я был ранен в левую руку автоматной очередью. Потерял сознание, попал в плен. Очнулся уже при погрузке раненых в вагоны. Позже я узнал, что состав идет на запад. Нас привезли в Польшу, в большой концлагерь, обнесенный колючей проволокой и сторожевыми вышками. Открыв ворота, словно скот, нас загнали за ворота и закрыли. Кормили хлебом и водой. Тяжело раненые солдаты стонали от боли, стояла жара, и от долгого переезда в ранах заводились черви. В концлагере мне сделали первую операцию, отняли левую руку выше локтя. Там же я познакомился с Григорием Резинкиным, у него отняли правую руку. Мы с ним были как два брата, вместе спали, делили пополам еду и курево.

Обовшивевшие военнопленные стали требовать, чтобы им разрешили помыться и постирать одежду. Под горой вдоль лагеря протекала мелкая речка, за ней пойма, расстояние до леса с километр. Привезли котлы, ведра, несколько тазиков и установили их за речкой. Изучив обстановку, мы с Григорием решили бежать, иначе нас просто расстреляют – кому нужны калеки, которые не могут работать. Наблюдая, мы заметили, что часовые на вышках не обращают внимания

Мой отец Хомяков Николай Власович

на пленных, которые носят воду в котлы и собирают хворост.

И вот настал наш день. Военнопленные носили воду, собирали хворост, стирали и развешивали для сушки одежду. Мы с Григорием в очередной раз пошли за хворостом и больше уже не вернулись. Отошли подальше и, нагнувшись, побежали к большому лесу. Откуда у нас взялись силы, мы не знаем. Добежали до леса и сразу свернули влево, затем по тропе снова в лес. На следующий день по кромке леса подошли к полю, вдаль виднелось большое село. Идем по краю леса, собираем ягоды, были очень голодны. Вдруг Григорий увидел женщину с корзинкой. Он подошел, сказал ей что-то по-польски, оказывается, попросил у нее хлеба. Подошел и я. Женщина спросила, откуда мы и почему здесь. Она предупредила, чтобы мы были осторожны, потому что кругом немцы и каждый день карательный отряд объезжает все селения. Попросив нас подождать, она ушла за хлебом. Мы боялись, что она сдаст нас полициям. Через некоторое время женщина вернулась, принесла хлеб, огурцы, вареную картошечку, сказала, чтобы мы уходили. Мы ели на ходу, плутали по лесу. Хлеб берегли, питались ягодами и грибами. На пятые сутки в густом ельнике нас окликнули по-русски: «Стой, кто идет!» Привели в землянку к командиру разведчиков, допросили. В тылу врага мы находились вместе с разведчиками целый месяц, потом вернулись к своим и нас сдали в особый отдел в городе Кизел Молотовской области на Урале. Там, пока шла проверка, я находился в следственном изоляторе. Многих расстреляли, как предателей – врагов народа, а меня оправдали, так как я попал в плен раненым и без сознания».

Так спустя несколько лет после известия о гибели, отец вернулся домой инвалидом 2 группы без левой руки. Сложную работу он выполнять не мог, его взяли счетоводом в колхоз. Мы стали жить полной счастливой семьей. Но прошло некоторое время, и отец, ссылаясь на работу, стал задержи-

ваться, а потом и вовсе перестал приходить домой. В деревне стали шептаться о его связи с уборщицей колхоза Аганей Рыжковой (в девичестве Куковина). Ее мать – Серафима Куртаева была родом из Учиньи, а отец Куковин – приезжий цыган, они встретились и переехали жить к нам в Половинку. Мой отец познакомился с их дочерью Аганей. Мама моя не хотела верить в бабьи сплетни, она была беременна и надеялась, что всё обойдется. В один из дней отец пришел с работы, собрал вещи и сказал, что уходит жить к другой. Он оставил маму одну с детьми, на последних сроках беременности. В 1947 году родилась сестра Люба. Прожив в Половинке до 1948 года, мы решили переехать в Ёлушкино. Из колхоза меня отпустить не хотели, в то время держались за каждого работника, но, поняв наше бедственное положение, отпустили, выдали справку об увольнении. В то время паспортов не было, а у меня не было и свидетельства о рождении, поэтому эта справка была для меня билетом в жизнь. Дом свой в Половинке мы продали, и уехали жить в Ёлушкино. Мама устроилась работать на почту крутить динамку, а я в рыбоучасток учеником бондаря.

Срок обучения тогда был 6 месяцев, но я за три месяца сделал заливную бочку, которую представил комиссии.

Деревня Учинья. (Слева направо) Филатова А.И., Горохова В.Т., теть Фаня, Хомякова А. В., 1950 годы

Комиссией по проверке знаний меня перевели в разряд специалиста бондаря. Через год моего учителя отправили на пенсию, а я стал работать бондарем. Все лето изготавливал бочки, а позже затаренные рыбой, закупоривал их. Зимой изготавливал материал на обручи, вывозил их по мелкому снегу. Для мороженой рыбы нужна была другая тара – ящики. Все это делалось вручную, приходилось работать при лампах и фонарях, заправленных керосином. Таким образом, с 15 декабря 1948 года по 15 июня 1951 года я отработал бондарем в Учинском рыбоучастке Елушинского рыбоприемного пункта.

Многому можно было научиться от родных и рядом живущих людей того времени, но мы были детьми и не понимали, что все это нам пригодится во взрослой жизни. Военные и послевоенные годы закалили нас, воспитали в нас трудолюбие, порядочность, честность, помогли в выборе гражданской позиции. Я, благодаря своей наблюдательности и трудолюбию, освоил многие традиционные северные ремесла. В жизни они все мне оченьгодились. Сожалею о том, что неоднократно я предлагал передать свой опыт молодежи, научить бондарному делу, изготовлению сувениров, посуды и многому другому, то, что я сам умею. На своем пути не встретил среди молодых людей заинтересованных, желающих научиться забытому ремеслу. Болит душа, когда понимаешь, что народные ремесла уходят в прошлое и могут исчезнуть навсегда.

СЛУЖБА В СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Повестку в армию я получил 15 июня 1951 года. Пассажирский транспорт в те годы не ходил, в районный центр Нахрачи можно было уехать лишь на попутном транспорте по реке. Вечером 14-го июня с Шайма пришел катер, на при-

везенный им изотермический плашкоут сразу же началась погрузка льда, а затем и рыбы. Работа шла всю ночь в две смены. 15 июня к полудню катер с плашкоутом тронулся на Кондинск, ехали там и мы – допризывники. В Кондинском всех нас комиссия признала годными к строевой службе. На грузовой самоходке нас повезли в Самарово, там разместили в клубе «Рыбников». Устроились на ночлег, кто на полу, кто на сидениях; вод так и спали, кто как мог. Так мы жили целую неделю. На мне был пиджачок и фуражка на голове, а у некоторых и фуражки не было. В Самарово мы ждали приезда призывников с других районов округа.

Питания для нас – будущих солдат – на призывном пункте организовано не было, денег с собой у нас тоже не было и нам предлагали разную работу: грузить мешки с мукой, растаскивать вдоль линии телефонные столбы. За работу плати-

Привет с Сахалина Хомякова Анатолия Николаевича. Годы службы. 1952 г.

ли совсем немного, в основном кормили в столовой за счет заработка. Вот так, почти впроголодь, прожили неделю, затем была комиссия, после чего нас призвали в армию. С наших мест, то есть с Кондинского района не взяли Чеканова Петра из деревни Силава. В Самарово мы сели на пассажирский пароход «Пятый октябрь», курс был на Тюмень. Нас уже сопровождали военные офицеры и сержанты. В Тюмени проходили комиссию, третью по счёту, меня признали годным к прохождению службы. В это же время из Салехарда пришел пароход «Усиевич», привёз допризывников, среди которых был мой двоюродный брат Иван Григорьевич Хомяков. Встретиться нам тогда там с ним не довелось. Позднее он написал, что искал меня, но наш эшелон сформировали раньше, и мы уехали на Дальний Восток. Двадцать суток наш поезд шел до Владивостока. Временами его загоняли в тупик, он подолгу стоял, пропуская то пассажирские, то скорые эшелоны. Как сейчас помню наш большой товарный поезд – 18 вагонов, называли «телятниками». Один вагон – штабной, один – кухня, а остальные – 16 допризывников. Со дня отправления 15 июля по 2 сентября наш поезд находился в пути, мы спали на голых нарах, а кто и на голом полу.

Много происшествий произошло во время следования эшелона. В нашем вагоне, в основном, ехали люди с Севера: из Кондинского района – Шогуров Иван, Чадов Николай, я и ещё кто-то (их я не запомнил); из Сургута один человек, из Тюмени четыре парня. И вот тюменские на правах горожан заняли передние верхние нары правого угла. Первое время было всё в порядке: на ходу откатывали грузовую дверь, свесив ноги, садились, курили, разговаривали. Казалось, всё было нормально. Но, как мы позже поняли, они, по видимому, присматривались. И вот, однажды, когда поезд тронулся, дверь открылась и все расселись, один из тюменских подошёл к Черкашину и попросил закурить. Тот отве-

тил, что у него нет табака. Тогда тюменский ударил Черкашина, схватил за пиджак, оттащил его и стал пинать. А трое ему сверху командуют: «Бей его, суку!» Из четырнадцати человек никто не заступился за Черкашина, все испугались. Тюменские запинали его под нары, разбили в кровь лицо. Он лежал до следующей станции, где поезд должен был остановиться. Когда поезд начал тормозить, два парня спрыгнули с задних верхних нар, быстро откатили левую дверь и выпрыгнули из вагона.

Они появились через 10 минут, но их было уже четверо. Поднявшись в вагон, они поинтересовались, где находятся тюменские. Те сразу забились в угол, как овцы, прячась друг за друга. Один из пришедших запрыгнул наверх, схватил одного из них, стащил с нар, поставил на ноги и стал бить. Стащили второго, и так всех четверых и наказали, и еще предупредили их, если в дороге ещё кого-то обидят, то всех их на ходу выбросят из поезда. Парни ушли, поезд тронулся. Тюменские тихо сидели в уголке на верхних нарах. До Владивостока их больше не было слышно.

Вскоре мы прибыли во Владивосток. Вышли из вагонов, построили, прозвучала команда «вперёд!». Привели нас строем в баню, затем выдали обмундирование. После построения уже в форме и с рюкзаками, привели в палаточный городок на второй речке, в 14 километрах от железной дороги. В палатке-шестиклинке поселили по шесть человек. Мы прошли «курс молодого бойца», а уже в конце сентября приняли боевую присягу. После этого нам выдали зимнюю одежду, продукты на 5 дней, а ночью погрузили в вагоны, поезд тронулся на запад. Ровно через сутки прибыли в Хабаровск, там строем, ночью, при свете городских огней, топя через весь город добрались до аэропорта. Пришли в старые деревянные одноэтажные казармы, в которых, как оказалось, нам предстояло жить. Ни коек, ни столов, пустые помеще-

ния, на улице – семейный умывальник. Утром позавтракали сухим пайком и нас отправили на работу в речной порт на загрузку парохода «Сергей Лазо», на котором мы должны были выехать по Амуру в сторону г. Николаевска. Закончив погрузку, погрузились сами, и пароход тронулся вниз по Амуру. Остановка была в Комсомольске-на-Амуре, дальше г. Софийск. Там нас расформировали на две группы: одни уехали пароходом на Николаевск, а мы, сорок человек, высадились на берег в Софийске. В этот же вечер причалил катер с открытой баржой – пантоном, наше путешествие по Амуру продолжилось. Погода стояла холодная, начало сумеркать. Дул сильный ветер, наш пантон бросало из стороны в сторону. Пришлось надеть рукавицы и шапки-ушанки. Вдруг катер остановился, капитан сказал, что нас оставят стоять на якоре, а катер уйдёт в посёлок, туда, где светят огни. Лейтенант и сержант, которые нас сопровождали, тоже сели на катер и уехали. В темноте, при свете звёзд на небе, наш плашкоут бросало как щепку из стороны в сторону, брызги волн летели через открытые борта внутрь.

Нам казалось, что эта осенняя тёмная ночь длилась целый год. Кто-то присел на свою ношу у связанных вещей, кто-то стоял, привалившись к стенке, которая поминутно, то уходила как бы от тебя, то, наоборот, начинала давить. Продукты давно закончились, хотелось есть. И вдруг посреди тишины, кто-то из ребят говорит: «Кому огурец?» Все засуетились, вскоре появились огурцы. Оказалось что этих соленых огурцов здесь были целые бочки. Наступало утро, стало постепенно светать. После соленых огурцов очень хотелось пить. Один из парней нашёл жестяную банку, привязал к ней шнур, чтобы достать воду из Амура. Борта были выше человеческого роста, воду невозможно было достать. Кто-то из парней попросил, чтобы его перегнули за борт, придерживав за ноги. Лёжа на борту он забрасывал банку в воду, а потянув

вверх, волны и ветер выбивали её вместе с водой. Внутри плашкоута десятки рук тянулись к банке: кому глоток доставался, кому два, не более.

Утром пришли машины, нас повезли в посёлок Декастри в воинскую часть. Строем нас привели в пустые домики, рубленные из круглого леса, но заброшенные, в них давно уже никто не жил. Глина, извёстка с потолка и стен осыпались. Немного прибрались, подмели пол и расположились спать на полу. Мы с Николаем Величко постелили одну шинель на двоих, бушлаты положили под голову, а шубами укрылись. От усталости уснули быстро. Утром подъехали две бортовые машины ЗИС-5 с беседками в кузове, и комсоставский додж. Командир воинской части рассказал нам, куда мы приехали и какова будет наша служба. Воинская часть 10022, командировка семь месяцев. Когда приехали в Декастри, машины подъехали к берегу. С них сразу же погрузились в Кунгас – это открытая деревянная баржа. Нас катером перетянули на другой берег бухты Декастри, поселили в одну из казарм с 2-ярусными нарами. Через десять дней нас перевезли обратно в Декастри, здесь мы получили зимние палатки-шестиклинки, котлы, посуду и поехали в тайгу по дороге на Кизи через Волочаевку. Перевалив хребет «Бабушка», остановились в лесу, в 20 км от поселка Кизи. Задача наша заключалась в том, чтобы готовить древесину для воинских частей Камчатки и Курил.

Зима прошла незаметно. Нас, молодых солдат, тогда ничто не страшило, даже то, что ночью одеяло примерзало к палатке.

Весной 1952 г. нас вывезли в п. Декастри. В июне месяце тепло, начали строить казарму, 40 метров в длину и 12 в ширину. Построили 8 рядов в высоту и всё, строительство прекратилось. На следующий день нашу роту уже везли в неизвестном направлении. По дороге нам сказали, что едем на

Сахалин. Дорога проходила в горах, потом вдоль нефтепровода Оха – Комсомольск, до побережья Татарского пролива, между Сахалином и материком. У мыса Лазарева пролив сужался до 7 км, это сужение называли пролив Невельского. Напротив мыса Лазарева находился пос. Погиби – это название рыбацкого поселка идет со старых времен, когда остров Сахалин был ссылкой. По рассказам старожилов, когда те, кто пытался бежать переплывались именно в этом месте. Большинство переправлявшихся гибли, редко, кому удавалось преодолеть вплавь 7 км, хотя люди и брали с собой бревна или доски. Возможно, что большую часть тех, кто переправлялся, уносило в открытое море. Так, возможно, с тех времен носит свое название этот поселок «Погиби».

В Лазарево мы погрузились на пограничные катера и переехали на Сахалин. Северный конец острова омывают воды Охотского моря. Вдоль острова возвышается хребет Сихотэ Олинь. Чувствуется разница в климате острова, Океанская сторона – незамерзающее море, а со стороны Охотского моря – сибирские холода. Посёлок Лазарево расположен на самом берегу пролива Невельского, на устье речки Погибинка, которая течёт, разделяя тундру острова с материковой лесной зоной. Рядом с посёлком строилась воинская часть, прибывшая из Китая под № 25 996, отдельный инженерно-сапёрный батальон. Вот сюда и прибыли мы на втором году службы в пополнение. Нас распределили: кто попал в первую роту, кто во вторую, а кто в хозяйственный взвод. Здесь в батальоне была нормальная жизнь солдата: отбой, подъём, гимнастика, умывание, завтрак, занятия. Прошла неделя. Вроде бы всё хорошо и вдруг слышу: «Рядовой Хомяков, к командиру роты!» Я быстро осмотрел себя и бегом в канцелярию. Майор посмотрел на меня, сказал, чтобы я взял стул и сел поближе к столу. Он подал мне лист бумаги, карандаш, сам взял газету, продиктовал мне одно предложение. Затем прочел и

сказал: «Будешь писарем роты». Испугавшись, я сообщил, что у меня образование всего 4 класса. Но приказ начальника – закон для подчиненного. Меня усадили за стол старшины и приказали ждать его. Вот так началась моя служба в части, писарем роты.

1952 год. Шла подготовка к строительству тоннеля с мыса Лазарева, под проливом Невельского, на острове Сахалин протяженностью 24 километра, а шириной 7 километров. 15 марта 1953 года, когда умер Сталин, строительство тоннеля «заморозили».

В сентябре этого же года наша воинская часть выехала морем во Владивосток. Оттуда вторая рота была отправлена в Уссурийский край Анучинского района на станцию Телянза. В тайге, в 25 километрах от станции, в поселке Синегорье нам выделили дом – барак, здесь же жили заготовители. С первого дня пребывания в поселке мне передали продовольственный склад и пекарню, где я отгружал муку и принимал хлеб. Еще в мои обязанности входило составлять меню на 72 человека и 3 раза в день заполнять расходную накладную. Должность писаря роты тоже сохранялась за мной.

За райцентром Анучино, в 70 километрах от Синегорья в лесу и жили и работали еще 45 человек военнослужащих, они тоже были на нашем обслуживании. Через каждые два дня я получал для них в пекарне хлеб, укладывал в дощатый ларь и на машине сопровождал хлеб до места. Одним словом, работы всегда хватало.

Как и многие люди моего поколения, я всегда ответственно подходил к доверенному мне делу.

22 октября 1954 года объявили об увольнении в запас. Собрались с вещмешками на построение. Командир роты капитан Кипень И.С. зачитал постановление Совета министров, поздравил нас, объявил благодарности за службу. Кроме благодарности я получил премию в размере 75 рублей. Вме-

сте со мной из армии уволился земляк Федор Редикульцев, служил он на кухне поваром, ехать до дома нам предстояло вместе. После построения команда: «По машинам!», и все — прощай, казарма! До станции Пелянза 25 километров. Заняли вагон и поехали. На большой железной дороге были спецвагоны для военных, на них за 16 суток мы доехали до города Тюмени. В Тюмень прибыли 8 ноября, река Тура обмелела, пароход уже не ходил. Требование на проезд водным транспортом не выполнялось. Приехали в областной военкомат, но рабочий день уже закончился, а впереди еще и выходные дни. Вот здесь и пригодилась нам с Редикульцевым моя премия: купили билеты до города Тобольска. В Тобольске на речном вокзале было многолюдно. Мы предъявили в кассу требование о проезде до Ханты-Мансийска, нам объяснили, что пароход придет из Омска только на пятый день, и четверо суток пришлось жить на вокзале. Ночью мы спали на деревянных вокзальных лавках, а днем ходили по городу: в музей, в сад Ермака, ходили по магазинам просто поглазеть. Ужинали булкой черного хлеба и соленой рыбой. Наконец-то пришел пароход. Он был полностью загружен вербованными, ехавшими на Конду в лесокомбинат. Сколько дней мы ехали до Ханты-Мансийска, я не помню. У Федора мать и сестра с братом жили в Самарово, чуть пониже пристани в мехмастерских.

В то время в Ханты-Мансийске училась моя сестра Катя в медицинском училище и двоюродная сестра Глафира. Вечером автобусом поехал из Самарово в город, разыскал Катю с Фирой. За беседой я признался, что у меня нет денег на питание. На следующий день они собрали деньги в училище, закупили продукты и проводили меня. В пароходе было тесно, я ехал у машинного отделения, там хотя и не уютно, но зато тепло.

Вскоре я заметил недалеко от себя знакомое лицо, но

узнать не мог, подошел, спросил откуда он, сказал, что из соседней деревни Тап Тайлаков Федор. Рассказал, что призывали в армию, но в Ханты-Мансийске комиссовали и отправили обратно без продуктов и без денег. Вот так у меня появился попугчик. Доехали мы с ним до села Кондинское. Там, в военкомате я встал на учет, нам обоим на трое суток выдали деньги на питание. Пароход, на котором мы приехали, ушел обратно. Пассажирское движение на Конде было закрыто, так что домой попасть было не на чем. Вновь пошли в военкомат. Военком предложил работу, но я не согласился, уж очень хотелось домой. Все-таки три с половиной года не был дома. Переживал, как там мама с детьми, ведь у нее кроме нас с Катей еще трое: младший брат Ванька, Люба и Мишка.

Поскольку в армию ушел с рыбозавода, трудовая осталась там. Пришел в отдел кадров и снова получил предложение остаться, но я взял трудовую и тут случайно узнал, что до Луговой пойдет катер, который везет опил и доски на рыбацкий песок. На этом катере мы трое суток ехали до Токлованского песка, а оттуда пошли пешком в Луговую, переночевали, а на следующий день дошли до деревни Три Конды. На следующий день были уже в деревне Елушкино, пообедали у Мотышева Ильи Григорьевича. Рабочие рыбоучастка перевезли нас через Конду на лодке, а дальше, пешими, мы пришли в деревню Тап. Там нас встретили радушно в семье Федора Тайлакова. Мужики, старушки, услышав, что прибыл солдат, пришли, кто с бутылкой, кто с закуской. Народу набралась полная изба. Обо всем спрашивали, все им было интересно. Потом принесли гармонь, и вечер мы провели весело. На следующий день утром я попросил Федора, чтобы он отвез меня до Половинки на лодке. Он согласился, и мы налегли на весла. Пролетал снег, холодало. Я был в сапогах, шинели и фуражке, прохладно, конечно, но грело то, что скоро я буду

дома. Там, где берег был песчаным, я выходил с лодки и согревался бегом, а Федор продолжал плыть. Таким образом мы добрались до нижнего барака (это бывший лесоучасток), вытащили лодку на берег и пешком пришли в деревню Половинка.

НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

После моего ухода в армию, мама пожив некоторое время в деревне Ёлушкино, узнала, что отец с новой семьёй переехал жить в Учинью, собрала детей и вернулась в Половинку. Здесь ей было намного легче, всё же вокруг родные и близкие люди, которые могли помочь в трудное время, к тому же она ждала пополнения в семье, в мае 1953 года родила моего младшего брата Михаила. Жила семья в колхозной сарайке, обогреваемой железной печкой, у окна стоял небольшой стол и самодельная кровать из досок, на которой она спала с ребяташками. Было очень мало места, но других вариантов для проживания не было, поэтому приходилось довольствоваться тем, что было. В такой «родительский дом» я вернулся из армии.

В те годы после армии давали месяц отпуска, но отдыхать мне было некогда, нужно было помогать маме, учить Катю, поднимать на ноги еще троих детей. За время моего отсутствия в деревне маленький колхоз имени Сталина объединился еще с 13-ю колхозами, стал новый большой совхоз «Луч». В трех километрах от деревни Учинья открылся леспромхоз, поэтому искать работу я отправился туда.

Приехав в деревню, остановился на несколько дней у отца, осмотрелся, освоился и пошел в управление колхоза устраиваться на работу. От предложения вступить в колхоз я категорически отказался, но меня стали убеждать в том, что сейчас люди работают не на трудодни, а на зарплату и что

заработки стабильные. К концу переговоров мы сошлись на том, что я буду работать бондарем по договору.

В то время в деревне Учинья находился коровник, держали около ста дойных коров, столько же молодняка, а свиноферма и овчарня находились в соседней деревне Силава. Проблема состояла в том, что не хватало посуды для поила скоту. Бондарки были закрыты, инструмента и материала не было. Я узнал, что клепку для изготовления бочек делают в деревне Юмас и Кондинское, и что ею снабжают все рыбоучастки. Я пошел в рыбоучасток, стал просить инструмент. На складе мне нашли старый наструг (строгать клепку), и я сразу взялся за работу: делал бочки, ведра, кадки, корыта, которые использовали как посуду для кормления скота в колхозе. Помогал со строительством новых объектов колхоза и ремонтом старых, и не только в Учинье, но и в Силаве и других деревнях. Из заработанных денег немного оставлял себе, остальные отправлял маме.

Учащиеся сельской школы в деревне Учинья. 1947 г.

Мысль об образовании не покидала меня, очень хотелось закончить хотя бы семилетку. В деревне была школа, и я попросил разрешения закончить семь классов, но в 25 лет сесть за парту с детьми было немного не по себе. Со мной согласилась вечерами заниматься местная учительница Молчанова Физа. После работы, когда люди шли отдыхать, я шел на учебу. Очень нравилось мне познавать всё новое, от учебы я получал удовольствие. Не знаю, как получилось, но мы с Физой стали тайно встречаться и даже подумывали пожениться. Но один нелепый случай все изменил.

Как-то вечером мы с отцом сидели дома, к нам в гости зашел Алексей Кауртаев. Решили выпить, потом начали они ко мне с расспросами приставать: почему не женюсь? В деревне, оказывается, уже все знали про наши отношения с учительницей. Изрядно выпив, мужики стали решать мою судьбу – взяли бутылку и отправились в качестве сватов в дом к Физе. Я шел за ними и думал: «Что я делаю? Может, не стоит?», несколько раз пытался их отговорить, но они меня не слышали. Физа, увидев нас в окно, спряталась в дальней комнате. В горнице сидела её мать. Выслушав речь сватов, она встала и указала нам на дверь. «Вы считаете, что приходиться свататься пьяными можно? – сказала она. – Никогда моя дочь не выйдет замуж за пьяницу». Таков был её ответ. Я чуть со стыда не провалился.

Несколько дней мы с Физой избегали друг друга, но однажды случайно встретились на улице. Я начал ей объяснять, что это не я придумал, что мне очень стыдно за поступок отца и дядьки, на что она ответила: «Не нужно было тебе ходить с ними. Теперь моя мать считает тебя пьющим и запрещает нам встречаться». Обида накатилась на меня, и я решил, что больше никогда не подойду к этой девушке. Пришлось бросить учебу так и остался с четырьмя классами образования.

Однако жизнь продолжалась, я был молод, стал приглашаться к девушкам. Вечерами ходил на танцы, вечеринки

и деревенские посиделки. Среди всех девушек мне понравилась Кауртаева Анна (1928 г.р.). Жила она в доме по нашей улице с матерью-старушкой Елизаветой Михайловной и больным братом Юриком. Её отец, Яков Петрович, умер очень рано от туберкулеза, старший брат Иван и младшие сестры, Нина и Фаина, разъехались и жили самостоятельно. Каждый день Нюра ходила мимо нашего дома на речку за водой, занималась хозяйством, весь дом держался на её плечах. Нюра работала в больнице санитаркой, а вечерами с местными девушками пела веселые частушки под гармошку, плясала, да так, что, казалось, слышала их вся округа.

Понаблюдав за ней украдкой, я понял, что именно такая женщина мне и нужна, трудолюбивая, хозяйственная и веселая. Как-то осмелился и подошел на танцах к ней, потом проводил ее до дома, так и стали мы встречаться. Днем работали, вечерами ходили гулять, как и принято молодым.

В центре Кауртаева Елизавета Михайловна и её дети. В верхнем ряду слева моя будущая жена Кауртаева Анна Яковлевна. 1943 г.

Однажды осенним вечером шел дождь, немного побродив по улице, Нюра пригласила меня к себе в гости. В доме было тепло, уютно, пахло пирогами. Мы посидели, поговорили у неё в комнате и, не знаю, что на меня тогда нашло, но я с уверенностью в голосе сказал: «Я остаюсь здесь ночевать. Будем жить вместе». — «Оставайся», — спокойно ответила она. Девушка вышла из комнаты, о чем-то поговорила с мамой, вернулась, и я понял, что мать одобрила её выбор. Так началась наша совместная жизнь. На Новый год мы пригласили гостей, накрыли стол и сыграли свадьбу. Из колхоза нашей семье выделили лошадь с кошевой, чтобы съездить в поселок Ягодный в сельский совет официально зарегистрировать брак. Позже я узнал, что Физа тоже вышла замуж, ее муж после свадьбы стал сильно пить, а позже совсем спился.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Вся моя жизнь постоянно была связана с двумя деревеньками: Половинкой, где я родился и вырос, и Учиньей — родной моих предков — кондинских, восточных манси, древнего рода Кауртаевых. Именно про эту деревню хочу рассказать, о том, как поистине национальная деревня вдруг постепенно утратила свой «статус».

Из истории известно, что борьба с язычеством привела к быстрой русификации коренного населения, и, если А. Каннисто в 1902 году, приехав в наш район, не встретил ни одного вогула, знающего русский язык, то уже в 1933 году археолог и этнограф В.Н. Чернецов писал в своих дневниках: «Учинья — небольшой поселок, домов десять. В школе только три ученика, говорящих по-вогульски, остальные — или русские, или обрусевшие. Это довольно характеризует положение дел на Конде».

В поселках, расположенных по Конде и Сатыгинскому

Туману, большой процент русских, и вогулы подвергаются такому влиянию со стороны русских, что, как выразилась одна шамская «бывшая вогулка», стыдятся говорить по-вогульски».

По рассказам коренных жителей, после 1910-х годов в деревне стали появляться на постоянное жительство русские, среди них Вараксин Максим, был хорошим столяром и плотником, Таскаев Макар Евстифеевич, мужик не из робких. Оба они женились на местных девушках и остались в наших краях на всю жизнь. Вараксин Максим строил дома по-русски, таким образом, в мансийской деревне появились русские избы. В первых русских домах жили Кауртаев Филипп Иванович, Кауртаев Иван Васильевич и Кауртаев Дмитрий Иванович, их в 1930-х годах раскулачили, дома изъяли и передали в колхоз.

Таскаев Макар в 1912 году построил дом на самом берегу реки, на карнизе его дома красной краской было написано «1912 год». Позже все эти дома перевезли в деревню Мыс — новую Половинку. В одном из них до сих пор живет моя старшая дочь Валентина, в другом семья Овешковой Клавдии Александровны. В доме Макара живет моя младшая сестра Люба.

В тридцатых годах в Учинье образовали сельскохозяйственную артель «Красный путь». Символическое название, потому что путь был действительно красным — кровавым. В то время в деревне прошло раскулачивание. У самых основательных зажиточных и работающих мужиков описали все имущество и передали в собственность колхозу. Февралем 1935 года датируется государственный акт на передачу в вечное пользование земель колхозами за №175465, где говорится, что «За артелью «Красный путь» навечно закрепляется земля в количестве 1488,02 га, допускается увеличение этих земель либо за счет свободных земель государственно-

го фонда, либо за счет излишних земель, занимаемых единоличниками, с тем, чтобы никакая чересполосица при этом не допускалась».

К середине 50-х годов XX века в деревне Учинья был самый большой колхоз по району. Сотня дойных коров, молодняк, сотни свиней, овцы, табун лошадей в 70 голов, 24 гектара земли было распаханно под посадку овощей и овса. Хотя колхоз и был в передовиках по всем заданным планам, но основным делом было все же рыболовство.

Много с тех пор утекло воды в нашей быстротечной реке Конда, которая несла свои воды среди болот и лесов с запада на восток, впитывая в свои воды сотни маленьких и больших речушек, ураев, курей, заливов и стариц. Конда тянулась на 850–900 километров.

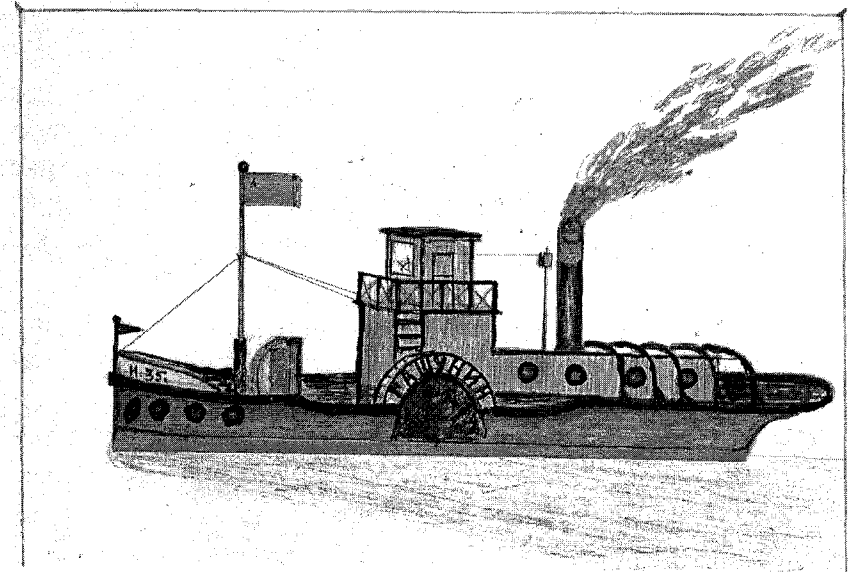
Со времени появления первых поселений на Конде, кроме лодок-осиновок и кедровок, не было другого транспорта. С образованием района образовался и Нахрачинский рыбозавод. Он охватывал весь район. На всей протяженности Конды были основаны заготовительные пункты рыбы, их называли в то время – «засолочные» пункты. И вот однажды на реке появился первый пароход – «Гашунин».

В 1905 году на Тюменской судовой верфи было построено два парохода. Они были выполнены по проекту специального заказа одного купца. На каждом из них были паровые машины по 30 лошадиных сил. Названия пароходам дали по именам детей купца: дочери Надежды и сына Петра. После того, как пароход «Петр» оказался в Нахрачинском рыбозаводе, он был переименован в «Гашунин». Гашунин – это бывший кочегар парохода «Петр», погибший во время гражданской войны. Второй пароход «Надежда» был передан в Белогорье Самаровского района.

В 1942 году пароход «Гашунин» передали из Нахрачинского рыбозавода Учинскому рыбозаводу. По рассказу Ми-

хаила Павловича Члек, в состав команды «Гашунина» входили: Ильиных Иван Матвеевич – капитан парохода, Дудко Антон Евсеевич – главный механик, Вагнер Адольф Иванович – помощник механика, Нежданов Михаил Герасимович – масленщик, кочегары – Моргунов Петр и Негрус Иван. «И мне, говорит Михаил Павлович, – пришлось работать рулевым на этом первом пароходе». Помощником капитана был Новоселов Павел Анатольевич. Матросами были девушки – Бахарева Елизавета и Григорьева Клавдия.

Пароходу «Надежда» повезло меньше, потому что Белогорскому кирпичному заводу, куда его передали, требовалась техника для переработки глины и пуска всех механизмов. Поэтому с «Надежды» были сняты паровая машина и надстройка, и он превратился в открытую баржу. Баржу, каким-то образом, закупил Нахрачинский завод, и судьбы

Пароход «Гашунин».
Зарисовка Хомякова Анатолия Николаевича

«Надежды» и «Петра» вновь соединились. «Гашунин» до конца своего существования на буксире водил за собой «Надежду». В 1954 году «Гашунин» списали, и их с «Надеждой» вытащили на берег, так они оказались в затоне поселка Кондинское, а паровая машина с парохода была установлена в учебном классе Кондинской школы.

Благодаря развитию лесной промышленности, в трех километрах от деревни Учинья, в 1957 году было положено начало новому поселку. Первым делом лесники поставили электростанцию, и вечерами поселок заливался ярким светом. Зарево виднелось из-за леса и будоражило воображение жителей Учинья. В Новой Половинке кипела новая жизнь, а Учинья сидела с керосиновыми лампами и, казалось, что время здесь остановилось: тот же быт, та же борьба с гнусом.

Летом в 1957 году было принято решение перенести деревню вместе с колхозом на мыс по другую сторону реки, напротив строящегося поселка Половинки. Деревня Учинья на мысу не сохранила своего названия. Учинская школа, учинский медпункт, учинское почтовое отделение в скором времени переименовались в Половинкинские, а саму деревню для удобства стали называть Мыс. И лишь старики хранят память о прежней Учинье, с которой были связаны юность, молодость, все печали и радости. Да еще Учинский краеведческий музей.

Старожилы Учинья с удовольствием рассказывают о своей малой родине, как стояли дома в старой деревне, кто с кем по соседству жил. И обязательно покажут дом напротив магазина по улице Рыбников. Это не просто дом, в нем, построенном в 1891 году, находилась Учинская часовня. Та самая, что строил Михаил Степанович Филатов. Старики еще помнят, как по праздникам для богослужения приезжал из Сатыги батюшка Аркадий, и под куполом часовни высоко звучали голоса мужиков-вогулов Якова и Алексея Кауртаевых. Как

писал К. Носилов в конце прошлого века: «Вогулы большие певуны по природе; не имея песен, они в импровизации воспевают свою угрюмую, но милую природу, а теперь охотно поют молитвы и с удовольствием ходят в местную церковь петь на клиросе». Однако молитвы людей о лучшей доле не были услышаны. В 1930 году президиумом Уральского областного исполнительного комитета было предписано – часовню закрыть. Впоследствии здание приспособили под клуб, а еще позже продали в личное пользование. Как уже упоминалось, после смерти смотрителя часовни Филатова Михаила Степановича, местные жители ходатайствовали перед Тобольской епархией об увековечивании его имени. На берегу реки Учинья ему возвели памятник, который простоял всего несколько лет. После закрытия часовни, памятник был разрушен и сброшен в воду. Сейчас уцелевшие части памятника хранятся в Учинском музее поселка Половинка.

Остатки памятника священнику хозяину Учинской часовни Филатову М. С., хранятся на территории Учинского музея

По словам археолога из Тобольского музея-заповедника Любви Сладковой узнаешь, что «если ты побывала в Половинке и не сходила к заверованным (священным) лиственницам, значит, не увидела ничего». Язычники-вогулы поклонялись дереву и камню, особо почитаема была лиственница и береза. На краю мыса у реки Учинья еще чуть более трех десятков лет тому назад стояло три пня, оставшихся от некогда огромных, метра два в обхвате, священных лиственниц. Сейчас осталось два пня. Река, подмывая берег, грозитя унести и их. Здесь было женское культовое место, к этим заверованным лиственницам несли женщины свои молитвы и просьбы, под корни зарывали послед (детское место), роженицы, чтобы связать судьбу человека с родной землей. Одна из старушек рассказала, как регулярно ходила к лиственнице, приносила дары и просила послать ей младенца, и духи предков услышали ее.

Культовые (заверованные) места есть и в лесу. На тех местах ничего нельзя брать с деревьев: ни орешка, ни веточки. Наоборот, нужно что-нибудь принести, положить. Например, закопать под корень дерева монетку или повязать на ветку лоскуток ткани. Многие в таких местах испытывают особое необычайное состояние.

Лиственницы каким-то образом выросли на самом древнем городище, вал и ров своими слабыми очертаниями еще просматриваются на берегу, половина городища обвалилась, и бесценные останки прошлого перемешались с песком. Здесь, на берегу часто находят черепки, каменные пластинки в виде ножей и скребков, бронзовые наконечники стрел, очень много керамики разных эпох.

«Когда началась борьба с язычеством, посещать культовые места и справлять обряды запретили под страхом суда, к этим священным деревьям женщины стали приходить, таясь от властей и друг друга, а потом и вовсе его забросили. Гово-

рят, в эти годы по ночам со стороны святого места на десятки верст слышался женский плач. Сказки это, правда ли — теперь никто не узнает. Но если есть духи земли, они должны были плакать, предчувствуя судьбу священных мест, судьбу кондинских деревень.

ЖИЗНЬ В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ

После того, как начал строиться новый поселок Половинка, на слиянии двух рек Учиньи и Конды, росла деревня Мыс. Место, где должна была расположиться деревня, очень красивое, вокруг росли огромные раскидистые кедры, гордые красавицы лиственницы, белоствольные березы.

Весной 1957 года я с отцом начал прорубать улицы новой деревни. Ближе к берегу стоял первый дом семьи Алексеевых, Никифора Павловича и Елены, правда, занимали они только одну его половину, в другой временно поселились мы с женой Нюрой. Тогда уже перевезли свои дома два ветерана Великой Отечественной войны Жерновников Иван Семенович и Конюхов Кирилл Афанасьевич, устанавливали их и готовили к переезду семьи. Мы с отцом первый фунда-

Деревня Мыс

мент заложили для его дома, перевезенного с деревни Учиньи.

Чуть выше прорубили место и для моего дома. Когда всё было готово, я поехал в Старую Половинку за мамой. В колхозе поменял её маленький домик на колхозный амбар. Разобрал его и на колхозной барже «крылатке» перевез на мыс. Маму с ребятишками поселил в свободную половину дома к Алексеевым, а сам стал собирать свой небольшой домик. Всё лето мы прожили с Нюрой в собранном наполовину доме, варили еду на печке, стоявшей на улице, спали прямо на полу. Работы было много, нужно было торопиться, чтобы успеть до зимы. Готового строительного материала не было, поэтому приходилось всё заготавливать вручную. В лесу выбирал прямоствольную сосну, пилил ее, колол доски на потолки, затем их вытесывал. Из приготовленного материала делал оконные рамы, двери. К осени одна половина дома была полностью готова.

Нюра перед родами уехала в Учинью и последнее время жила у матери. В ту ночь, когда родилась наша первая дочь Валентина, я был на работе. За Кондой напротив Мыса находились колхозные сенокосные поля, там мы заготавливали сено. На берегу было оборудовано место для ночлега бригады. Утром 23 августа с Учиньи прислали нарочного с вестью о том, что у меня родилась дочь, и мне нужно срочно ехать домой. Оставив бригаду, я на лодке поплыл в Учинью. Как сейчас помню, был густой туман, на несколько метров ничего не было видно, приехав домой, увидел свою дочь. Удивили ее черные, как бусинки, глаза и черные длинные волосы. Она показалась мне совсем крошечной, я даже на руки её боялся брать. Когда Валя подросла, стала очень шустрой, помню, как проголодается, так начинает ручками и ножками стучать, значит, нужно ее кормить. Однажды, я на правах отца решил ей дать соску с молоком, но она так проворно ее выхватила у

меня из рук, что я был очень удивлен. А ведь ей тогда было всего несколько месяцев, совсем маленькая и понимать вроде бы не должна была.

До холодов Валю оставили жить в Учинье с тещей Елизаветой Михайловной, а мы с Нюрой готовили дом к заселению. В скором времени все было готово к переезду.

Вещи, связанные в узлы, я погрузил в лодку, туда же посадил тещу с маленькой дочкой на руках и двинулся в путь из деревни Учиньи на новое место жительства. Мама с братом Мишей и сестрой Любой переехали жить к нам, а Иван в то время учился в поселке Ягодном и домой приходил только на выходные дни. К зиме мы полностью обосновались в своем доме и зажили большой семьей. Юрику, брату Анны, во дворе я поставил небольшой домик. Жил он отдельно от нас, так как был болен туберкулезом. За многие годы, никто из моей семьи не заразился этой серьезной болезнью. Нюра была очень аккуратной, внимательно ухаживала за больным братом. Вся его посуда тщательно кипятилась и хранилась в отдельном месте, детям запрещалось трогать его вещи. Возможно, благодаря этому, в семье все были здоровы.

Я работал с утра до позднего вечера, работы хватало и дома, и в колхозе. Весной меня назначили бригадиром по строитель-

Кауртаева Елизавета Михайловна с сыном Альбертом. 1950 г.

ству колхозных дворов. Набрав бригаду, мы приступили к делу. Валили лес, пилили доски, отстраивали новый скотный двор на сто дойных коров и свиноферму. Так и получилась ещё одна улица на Мысу, в начале которой располагалась контора правления колхоза, дальше по улице дома, перевезенные жителями с деревни Учинья, а в конце улицы скотные дворы.

После того как строительство было завершено, меня поставили на новую должность – заведующим молочной фермой. Коров с молодняком перегнали с Учиньи, свиней с Силавы. У каждой коровы в коровнике было отдельное стойло с кормушкой и железным кольцом, на которое крепилась цепь, одетая корове на шею. Летом скот перевозили за Конду в загоны.

Коров доили три раза в день вручную, перед каждой дойкой стойла вычищала скотница Домна Федоровна Гайдукова. В числе доярок тогда работали Овешкова Клавдия, Гайдукова Мария, Кауртаева Маргарита, моя мама и ещё семь женщин. Первая дойка начиналась в шесть утра, к этому времени я уже был на работе, открывал «молоканку» (так называли ферму), обеспечивал доярок всем необходимым. Обязанностей было много, за всем нужно было следить: вовремя обеспечивать кормами скот, работать на сенокосе, заготавливать сено. Сено косили от Нижнего Барака и до Ушинахской речки, площадь сенокосных угодий сотни гектаров. На одну корову заготавливали по три тонны сена, в общем, выходило около четырехсот тонн. Техники в те годы было мало, практически всё приходилось делать вручную, основным помощником для человека служила лошадь.

Зимой вывозить стога мне в помощники дали тетку Елену Петрушкину, шустрю старушку-манси. Как только наступила зима, мы с ней приступили к вывозке сена, эта работа была не из легких. Вставать приходилось в пять утра, чтобы

Доярки колхоза «Луч», д. Силава. 1956–57 годы

запрячь семь лошадей и обозом выехать на сенокос. Пока по реке до Старой Половинки едем, уже рассветает, у проруби лошадей оставляем на водопой, а сами в гору поднимаемся, у дяди Гриши в старой Половинке чай поьем и дальше до Нижнего Барака едем. За день нужно было успеть загрузить все воза, приехать обратно в деревню, сметать с саней сено, распрячь и напоить лошадей. Домой возвращался уже за полночь. И так изо дня в день, пока всё сено с покосов не вывезешь.

В то время наш колхоз был в передовиках по надоям, за это полагалась прибавка к зарплате, многим колхозникам объявляли благодарности и награждали почетными грамотами. Мне даже один раз туфли хромовые, в коробке, вручили вместо денежной премии.

Весной с деревни Учинья стали переезжать оставшиеся жители к нам, в новую деревню, селились по соседству, им

нужно было помогать перевозить и собирать дома, чтобы к зиме они успели обустроиться. Вечерами после основной работы отдыхать было некогда, хотелось еще и свой дом довести до ума. К зиме ждали пополнение в семье.

Перед Новым годом родилась вторая дочь, назвали Лида. Рожала Нюра ее дома в достроенной второй половине, а я сидел за дверью и прислушивался. Вдруг раздался детский плач, тут же из дверей выскочила Капитолина Павловна, сельский фельдшер. Она сунула мне маленький сверток и скрылась обратно, так в нашей семье стало на одного человека больше. Через год появилась на свет ещё одна дочь – Галина, но она родилась уже в больнице, в поселке.

В тот год я построил маме отдельный небольшой домик, куда она переехала жить с моей сестрой и братом. Моя семья выросла за три года на три человека, и на одного стала меньше – умерла тёща Елизавета Михайловна. Похоронили мы её на Учинском кладбище рядом с могилой сына Альберта.

В 1961 году наш колхоз «Луч» по правительственной программе реорганизовали в рыбную промышленность. Колхозный скот передали в Кондинский и Ильичевский совхозы, работники колхоза написали заявления на увольнение и разошлись кто куда.

Начало рыбоучастка в Половинке было положено ещё в 1936 году, когда в стационарном поселке лесорубов был образован небольшой засолочный пункт, начальником которого был Савельев Федор Семенович. В те годы на производстве работало около 20 человек из числа репрессированных и местных жителей д. Учинья. В начале 40-х годов здесь начали семьями селиться раскулаченные и ссыльные политические, приезжавшие со всех уголков Советского Союза: Украины, Казахстана, Кургана и Челябинска. Эти люди сразу подключались к основному деревенскому промыслу – рыбодобыче. К 1942 году небольшой засолочный пункт стал

крупным предприятием – «Учинским рыбозаводом». В годы войны рыбозавод занимался не только добычей и переработкой рыбы, но и изготовлением бочек, ящиков, заготовкой древесины, изготовлением лодок, заготовкой дров для парохода «Гашунин». Рыбу готовили для фронта разную: сушеную, вяленую, мороженую, соленую. Кроме того, вели сельское хозяйство, держали крупный рогатый скот на 50 голов, свиноферму. В 1945 году Учинский рыбозавод соединили с Нахрачинским. Управление перешло в село Кондинское, а Учинский рыбозавод переименовали в Учинский рыбоучасток.

С 1945 по 1947 годы начальником рыбоучастка работал Кузнецов Петр Иванович. Затем руководство перешло к Долгих Федору Васильевичу.

Я начал заниматься рыбалкой, в последний год существования колхоза «Луч», в состав которого тогда ещё входил Учинский рыбоучасток. Рыбачил я на Ушинахском песке с

Запорное рыболовство. Деревня Тап. 1964

Сортировка рыбы на Ушинахском песке. 1970 годы

Ивашкеевым Николаем. Тогда мы ловили рыбу запорным методом. Дмитрий Семенович Филатов, в то время работал старшим бригадиром, нам разрешил и установил норму сдачи рыбы. Этот способ ловли был мне близок и очень хорошо знаком, поэтому я не сомневался, что мы выполним норматив. Но что-то пошло не так, и в итоге по подсчетам сданной рыбы, оказалось, что мы не выполнили план. Оценив проделанную работу, я понял, где была допущена ошибка. Всё это я объяснил новому начальнику Саламатову Федору Васильевичу и попросил разрешить ещё раз перегородить речки, на что тот ответил категорическим отказом. После нашего разговора я написал заявление об увольнении и перевелся работать в Учинский лесхоз. Заявление подписали, но без перевода, по закону того времени, лишив меня пятидесяти процентов северных, которые я заработал за все эти годы в колхозе. Такого поступка я никак не ожидал со стороны руководства, но поделаться с этим не мог. Я перешел в лесхоз и до пенсии проработал там, но многие рыбаки работали в Учинском рыбоучастке всю свою жизнь, некоторые из них были удостоены высокого звания и награждены орденами Трудовой Славы III степени, это Филатов Александр Германович, Зольников Виктор Яковлевич, Тайлаков Иван Аркадьевич, Члек Нина Павловна. Многие работники этого предприятия получи-

ли знак «Ударник коммунистического труда», «Победитель соцсоревнования» и другие награды. Саламатов Федор Васильевич проработал бессменным начальником до 1982 года и был удостоен звания «Заслуженный работник рыбного хозяйства РФ».

РАЗВИТИЕ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Как я уже рассказывал выше, вся моя жизнь была связана с двумя деревнями, Учинья и Половинка, но по сути Половинки были тоже две. В Старой Половинке образовалась семья моих родителей, а в «новой» я создавал свою семью. Здесь я прожил жизнь, вырастил детей, воплотил свои мечты в реальность, здесь живут мои внуки и правнуки, поэтому хочется остановиться на истории образования еще одного поселка, который занял финальное место в моей жизни.

В 1955 г. были сделаны аэросъемки лесных богатств нашего края. 21 октября 1955 года образовался Половинкинский лесоучасток. Первым руководителем назначили Исыпова Федора Ивановича, это мой двоюродный брат, сын моей тётки Носовой Татьяны Власовны. До 1992 года Половинкинский ЛПХ входил в состав Кондинского лесопромышленного комбината. В те годы лесопромышленный комбинат по заготовке леса гремел далеко за пределами района.

В марте 1957 года на территорию будущего поселка прибыла бригада строителей СМУ из города Тобольска для строительства лесопромышленного хозяйства. Начальником строительства работал Зуев, имя его я уже не помню, а прорабом – Кондратенко С.Н., начальником участка тогда был Колчанов. Почти каждый день прибывали все новые и новые люди, большей частью это были рабочие геологоразведочной экспедиции, жили они в вагончиках. В 1955 г. начался заезд «лесников», которые первое время расселялись в до-

мах жителей деревни Учинья и работников Учинского рыбоучастка.

Постепенно стали появляться первые улицы: Береговая, Набережная, Механизаторов, центральная улицы поселка – Комсомольская. В это же время возвели и «сдали под ключ» контору ЛПХ. Много позже появилось общежитие, сложенное из щитов. Кроме этого, были поставлены большие рубленые дома на улицах Южной и Курортной, состоящие из 8 комнат, вмещавшие по 6–8 человек каждая.

К концу 60-х годов общая жилая площадь в поселке составляла около 13 тысяч квадратных метров. Построенные тобольцами дома принимал Исыпов Федор Иванович – тогдашний начальник лесоучастка. На этом посту его сменил в скором времени Студенов, но так же, проработав недолгое время, освободил этот пост для первого уже назначенного начальника лесоучастка Копытова Федора Ивановича.

Основную категорию работников лесоучастка в начале 50-х–60-х годов составляли граждане. Вольнонаемные – это, как правило, молодые парни, только что отслужившие в армии и желающие заработать и уехать. Многие из них остались в этих краях, обзавелись семьями, детьми, позднее внуками и своим хозяйством. По прошествии многих лет, считают этот край своим вторым домом.

До приезда на новое место между этими людьми и нанимающей стороной заключался договор сроком (как правило) на 3 года. Но, как уже было сказано выше 3-мя годами, все не заканчивалось, и люди «оседали», составляя тем самым «костяк», «кадры» зарождающейся лесной промышленности в отдельно взятом месте.

Второй, не меньшей по численности группой рабочих лесоучастка, не только в Половинке, но и по всей Конде стали «сезонники» – люди, приезжающие на несколько месяцев по «оргнабору». Вкратце вот его суть. Колхозу (не соседнему,

конечно) нужен лес, предположим для строительства жилья в тех местах, где ситуация со стройматериалами обстояла хуже (Казахстан, Украина и др.). И вот отсюда в наши края отправляли бригаду рабочих для заготовки древесины. Существовала также и еще одна система набора рабочей силы в новую отрасль промышленности – деревообрабатывающую – «контрактная». В чем ее смысл? С человеком, независимо от специальности, заключался «контракт» (как правило – на 3 года, с правом продления, но без права расторжения) с оплачиваемым проездом к месту работы и обратно по истечении срока действия контракта. Кроме этого, производилась выплата «подъемных» – некоей суммы, выдаваемой новому работнику, что называется – «на обустройство».

Еще одна группа работников зарождающейся новой отрасли состояла из бывших уголовников, не сумевших обустроиться по месту жительства. Прописки (по крайней мере, в первые годы существования лесоучастка) не существовало, паспортов не было. В этом было несомненное удобство для этой категории граждан, позволявшее им при желании остановиться, обосноваться, хоть где-нибудь обрасти бытом, семьей. Впрочем, ради правды, следует заметить, что большинство из них «останавливались» в наших краях лишь до получения «подъемных» и, дождавшись выдачи бесплатной спецодежды, покидали наш суровый край навсегда.

Вновь прибывших работников оформляли и заселяли на свободную жилплощадь, после чего они могли приступить к своим новым обязанностям.

С чего же начинался этот процесс? Начинается с валки леса. Занимались этим небольшие бригады. В их состав входили: вальщик, помощник вальщика, отгребщик снега (зимой). Летом к ним присоединялись сучкоруб, тракторист. Таким образом, выходило, что в бригаде от 5 до 7 человек.

Нормой выработки были 8–10 м древесины на каждого члена бригады в смену.

На раскряжевке древесины стандартом считалось убирать сучки даже с несортного леса, т. е. идущих на дрова.

С бригадами работали трактора – вначале С – 80, а затем С – 100, позднее – Т – 4 (на гусеничном ходу). Появление техники позволило в середине 60-х годов довести направленный объем вывозки до 300 тыс. м в год.

Доставка бригад к местам работы осуществлялась автобусами тобольского производства с деревянным кузовом на базе ЗИС–5 вместимостью 24 человека. В начале 70-х годов их постепенно сменили «ПАЗ» в количестве 8 штук, а так же «ЗИЛ–130» (тент). При этом самая дальняя вырубка леса находилась на другом берегу р. Конды на расстоянии 50 км от поселка. Вывозка шла зимой по зимнику, а летом шло формирование «запаса». Бригады (4–5 шт.) забрасывались к местам работы на вертолетах Кондинского ЛПК.

Люди работали, выполняя дневную норму (естественно на 100% и выше – иногда 115–125%). Если было меньше 100%, это грозило лишением премии и надбавок. Каждый год к заработной плате прибавлялись проценты «северных» (коэффициент, повышающий зарплату) – от 10% – до 50%.

Выполнению плана вырубki «способствовал» еще и тот факт, что рабочий день получался не нормированным. Люди продолжали работать в ожидании автобуса, который часто по тем или иным причинам опаздывал, а желающих идти пешком более 20 км до поселка после тяжелого трудового дня не оказывалось. Для некоторых, кроме выработки и нормы, стимулом был и тот факт, что из вырубленного леса стали строить дома, т. е. люди стали работать на себя, в прямом смысле этого слова.

План бригады составлял 2000 кубометров в месяц. У выполняющих и перевыполняющих норму рабочих заработная

плата с премией составляла в среднем 350–400 рублей в месяц. В советские времена это были хорошие деньги.

Бригады, работающие в лесу, обеспечивали бесплатной спецодеждой – на лето выдавали сапоги, а на зиму валенки. Один раз в месяц выдавали утепленные рукавицы.

В начале лес к месту переработки доставлялся тракторами-«трелевочниками» грузоподъемностью до 30 м, а с осени 1961 года бригады стали обслуживать, а/м «МАЗ» в количестве 4 штук. Два из них привезли на барже, еще 2 лишь на следующий год из п. Луговой, где они простояли всю зиму, так как еще не было автомобильного сообщения между нашими поселками. Машины были укомплектованы «лесовозными» прицепами, грузоподъемностью более 50 кубометров каждый. Норма вывозки за смену равнялась 180 м. Погрузка осуществлялась кранами на базе а/м «МАЗ» и трактора «К–58». Рабочий день начинался с 8 утра и заканчивался в 16 ч. Вывозка леса шла круглосуточно в три смены.

На лесовозах работали водители организованного в лесоучастке гаража. Вот имена некоторых из них: Битюков Михаил, Зверев Василий. Завгаром и главным механиком был Коротков Владимир Михайлович. У него в подчинении были два бригадира – по дизельным и карбюраторным автомобилям. Работали слесари 15–16-летние парни, получавшие по 5 рублей за смену.

Древесину, вывезенную с мест вырубki, перерабатывали на эстакадах и пилораме, одна из которых находилась на месте нынешней вертолетной площадки. Из «деловой» древесины пилили брус для строительства домов и «пакеты» для лежневки (лесовозной дороги из шпалы). Состояние лежневки контролировала специальная бригада, дежурившая круглосуточно.

При вывозке леса (особенно зимой) часто происходили несчастные случаи. Так, однажды, на дороге через Тайлако-

во озеро провалился под лед «МАЗ-509» Козырева Юрия. Прицеп уперся в дно, а передние колеса остались на льду, водитель чудом остался жив.

Заработная плата водителей лесовозов составляла 600–700 рублей в месяц. Здесь следует вспомнить, что деньги это были «дореформенные» и на сумму эту можно было приобрести не так уж и много. Впрочем, люди, приехавшие сюда заработать, уже были готовы к недостатку комфорта, надеясь что в будущем их жизнь будет устроена.

Из всех видов сообщения с внешним миром в первые годы работы лесоучастка существовал только речной пассажирский трамвай, ходивший в верх по Конде до деревни Чантырья, а вниз до поселка Междуреченский. Время в пути занимало почти сутки. Позже в начале 80-х гг., на краю поселка был построен аэропорт. Путь от Половинки до города Урай на «кукурузнике» «Ан-2» – занимал с взлетом и посадкой не больше 7 минут. В день отправляли два рейса. Чтобы купить билет, люди вставали в 5–6 часов утра. Стоимость билета составляла всего 1 рубль.

Аэропорт был закрыт в начале 90-х гг. в виду нерентабельности.

Поселок менялся, благоустраивался. Но с леспромхозом, как и с Учинским рыбоучастком, произошло то, что происходило в годы перестройки со многими предприятиями в стране, они просто перестали существовать как предприятия. Этот процесс распада и разрушения основного, мощного предприятия в поселке, дававшего стабильный заработок и уверенность в завтрашнем дне, больно сказался на основной трудоспособной части населения. Остается лишь сожалеть о тех временах, ушедших в небытие, когда люди были нужны, их труд был востребован, а результаты работы достойно вознаграждались.

Сколько было вложено сил людей, которые прожили здесь

всю свою жизнь, надеясь на светлое будущее своих детей и внуков. Многие после закрытия предприятий, остались без средств существования, кто-то смог найти другую работу, где можно применить себя.

В 1958 году населенные пункты: Новая Силава, Половинка, Учинья были переданы из Ягодинского, вновь образованному Луговскому сельскому совету. Половинкинский же сельсовет как самостоятельная территория был создан в сентябре 1960 года. На 1 января 1961 года на территории сельсовета находилось семь населенных пунктов: п. Половинка, д. Три Конды, д. Силава, д. Тап, д. Пихтовка, д. Елушкино, д. Мыс.

Первым председателем сельского совета назначили Игната Иосифовича Слинкина. Обязанности секретаря и заведующего военно-учетным столом выполняла Александра Ивановна Камышникова, в девичестве Кауртаева. Проработав несколько месяцев, Игнат Иосифович сдал свои полномочия Мыкалову Василию Акимовичу. За годы развития поселка в должности председателя с/совета работали Разгуляева Эмилия Федоровна, Мюллери Арви Оттович, Ившина Татьяна Петровна, Григораш Алексей Васильевич, Члек Надежда Степановна. Распоряжения, приказы и прочие указания присылали из райисполкома, располагавшегося тогда в п. Кондинский.

В годы перестройки в 1992 году здание швейной мастерской переоборудовали в здание поселковой администрации и на пост главы администрации была выбрана Фрилинг Тамара Викторовна, а затем два срока проработал на этом посту Дорошенко Владимир Михайлович. Вскоре районный центр и администрацию района перевели в пгт. Междуреченский.

НЕМНОГО ИСТОРИИ О ЗДРАВООХРАНЕНИИ НА КОНДЕ

С интенсивным строительством поселка, строили не только жилые дома, но и различные социальные объекты, в которых нуждалось население. На первом месте, конечно же, стояла медицина и образование.

Первая больница в виде медпункта появилась только с приходом лесной промышленности на Конду в 1936 году. В эти годы построили два лесоучастка: Верхний и Нижний Бараки, название их произошло от места расположения, а находились они по обе стороны деревни Половинка, ниже и выше по течению реки. Вот в Нижнем Бараке и расположился первый медпункт. Так, в 1954 году прибыла на работу фельдшер-акушерка Хомякова Галина Феокистовна, а в 1959 г. приехал молодой специалист, тоже фельдшер Корякин Владимир Иванович.

Рабочий день медиков составлял в то время 3 часа утром и 3 часа вечером. Была большая проблема со снабжением медикаментами, на их приобретение выделялось всего 30 рублей в год. Получали необходимые медикаменты в п. Нахрачи (ныне – Кондинское), ездили за ними зимой на лошадях, а летом по Конде на лодках. После образования Половинкинской территории, в начале 60-х годов было принято решение об организации здесь медицинского пункта для оказания экстренной медицинской помощи жителям поселка. Возглавила его фельдшер Мыкалова Капиталина Павловна, этой работе она отдала 45 лет своей жизни. Она была назначена переводом из деревни Чантырья. С момента основания медпункта (позднее «фельдшерско-акушерского пункта», сокращенно ФАП), работники Половинкинской участковой больницы ходили на вызова пешком. Первая автомашина (старый, до-

брый «УАЗ» в «северном» исполнении) появилась в ведении больницы лишь в начале 70-х годов.

К концу 50-х годов численность населения поселка лесников составляла уже более полутора сотен человек. Первоначально в штате ФАП не было ни одного специалиста с высшим медицинским образованием. Со всеми возникающими проблемами фельдшерам приходилось справляться самостоятельно. Лишь в особо сложных случаях (необходимость хирургического вмешательства) срочно вызывали вертолет из п. Кондинское или самолет из города Ханты-Мансийска.

Первый специалист с высшим медицинским образованием появился в Половинкинской больнице только в 1959 году, им была Овсянкина В.И.

При ФАП в конце 50-х годов были открыты аптека и стационар на 6 палат, одна из которых оборудована была для родильного отделения. Роды, (за исключением сложных), принимали сами медсестры ФАП. Бывали такие ситуации что за одну ночь принимали по пять малышей.

К 1 февраля 1961 года был сдан в эксплуатацию больничный корпус на 40 коек. В нем открыли три отделения – хирургическое (его возглавил врач Белов Ю.С.), инфекционное и родильное. В штате больницы появилось такое количество специалистов, что позволило изменить его статус. При больнице также работал врачебный участок, к которому были прикреплены деревни: Елушкино, Три Конды, Тап и Дорожный. 10 августа 1961 года был открыт стоматологический кабинет. В ноябре 1963 года начало функционировать хирургическое отделение, где уже на месте проводили операции по экстренным показаниям.

Главным врачом на работу приехал Кривошеин В.И. Во вновь открытой больнице в это время так же работали – Кожевникова М. – терапевт, Силантьева О.И – педиатр, Медведев В.П. – педиатр, рентгенолог Котов П.П., фельдшер

Моя сестра Хомякова Екатерина Николаевна, студентка мед. училища, г. Ханты-Мансийск. 1953 год

Зырянов В.П. Оказанием зубопротезной помощи занималась техник Кауртаева Нина Андреевна.

Организация врачебной помощи на таком сравнительно высоком для сельской местности уровне была вызвана, прежде всего, частыми эпизодами производственного травматизма жителей поселка, занятых в лесной отрасли.

Новая больница, к сожалению, просуществовала недолго. В 1965 году, когда меняли печное отопление на паровое, больница сторела. Амбулаторию перевели в приспособленное здание жилого дома. В марте того же года открыли инфекционное отделение, а в 1966 году рентгенологический кабинет. В декабре 1969 году при больнице была открыта бактериологическая лаборатория.

В ноябре 1975 году построено и введено в эксплуатацию новое деревянное здание амбулатории на 40 посещений в смену.

Для комплексного обслуживания населения в амбулатории функционировали кабинеты врача-терапевта, педиатра, стоматолога. Работали процедурный, прививочный, перевязочный, физиотерапевтический, смотровой кабинеты, регистратура.

В 1969 году больницу возглавила Гаврилова Нина Николаевна, направленная в эти места после окончания медицинского факультета Петрозаводского государственного университета. Именно Нина Николаевна стояла у истоков современного развития медицины в поселке, создала сплоченный коллектив преданных своему делу людей. Эти медицинские работники всю жизнь посвятили здравоохранению, а после многолетней работы ушли на заслуженный отдых, Мыкалова К.П., Чеканова Е. Н., Моисюк Г.С., Мостовых О.М., Карплюк З.Н., Серачетдинова Н.Е., Хомякова Г.Ф.

В 1972 г. Нине Николаевне по семейным обстоятельствам пришлось уехать в г. Ленинград, но спустя 8 лет она вернулась в эти края и работала терапевтом, позднее главным врачом даже будучи на пенсии.

Строительство нового амбулаторно-поликлинического комплекса в п. Половинка стало большим этапом в развитии оказания медицинской помощи на селе. В декабре 1999 года пущено в эксплуатацию новое, капитальное благоустроенное здание больничного комплекса.

НЕМНОГО ОБ ОБРАЗОВАНИИ **из исторической справки Половинкинского** **дошкольного и общеобразовательного учреждения**

Строительство школы и детского сада занимали так же первоначальное место в образовании поселка.

Первым дошкольным образовательным учреждением на территории поселка Половинка был детский сад «Золотая

рыбка». Его образование началось с 1 апреля 1957 года, когда открылись Учинские детские ясли при Учинском рыбоучастке Нахрачинского рыбозавода. Первой заведующей детского сада работала Смоловская Нина Ивановна, а поваром в то время работала Члек Татьяна Павловна. Няни детского сада – Кауртаева Маргарита Алексеевна и моя жена Хомякова Анна Яковлевна ухаживали и присматривали за детьми.

С начала образования детский сад считался малокомплектным. Его посещало 26 детей, две возрастные группы: младшая – от 1,5 до 3 лет и старшая – от 3 до 7 лет.

В 1975 году было построено новое здание детского сада. Заведующей назначили Малую Инну Петровну, ее трудовой стаж в детском саду составил 28 лет. Всю свою жизнь работе с детьми посвятили такие воспитатели, как: Петрович Анфиса Васильевна, Конева Светлана Николаевна, Хомякова Екатерина Михайловна, Члек Надежда Степановна.

В 1968 году при Половинкинском леспромхозе был открыт и полностью укомплектован специалистами детский сад «Красная шапочка». Большой вклад в развитие детского сада внесли: заведующая Харузина Клавдия Ивановна, Журавлева Любовь Григорьевна, Валентина Михайловна Мельникова, Галина Николаевна Успехова, Нина Александровна Корякина, Анна Ивановна Булгакова, Татьяна Константиновна Бокарева, Усольцева Любовь Леонидовна, Еременко Надежда Павловна и многие другие.

Образование в нашем таёжном крае началось с нескольких классов церковно-приходской школы в деревне Учинья, примерно, в 1898 году. (Точную дату история умалчивает). Христианство несло в глухие поселки и образование. Уже в 20-е годы XX века, по воспоминаниям старожилов, в Учинье работала школа, и жители деревни умели читать. Так, выписка из протокола № 2 заседания Сатыгинского сельского совета от 3 августа 1924 года гласит «просить разрешение у

Кондинского района об открытии избы-читальни в деревне Учинья в виду того, что население само желает иметь такую, и уже часть населения сама выписывает газеты. Избу-читальню желательно иметь при школе. Освещение население берет на себя.»

При образовании поселка, местными жителями, переехавшими из деревни Учинья на Мыс, была построена начальная школа, первый учитель в новой школе работала Филатова Раиса Германовна и Разбойникова Александра Назаровна. Закончив педучилище, в эту школу приехала преподавать дочь Александры Назаровны, Осипова Ольга Ефимовна. Школа была небольшая, всего четыре класса. В каждом классе училось по шесть, восемь детей, не более.

Закончив четыре класса, дети с Мыса ходили в общую поселковую школу, находившуюся в центре поселка.

Первый звонок в двухэтажной деревянной восьмилетней школе прозвучал в 1960 году 1 сентября, коридоры школы заполнило примерно 600 детей и в каждом классе училось по 30–38 человека.

Статус средней (полной) школа получила в 1962 году. Первым директором работала Гутникова Галина Никитична. Таким образом, история «новой» школы, берет начало с 60-х годов, когда в таёжный посёлок, в который «только самолётом можно было долететь», стали приезжать учителя, выпускники Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена – ВУЗа, готовящего педагогические кадры для работы в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока и выпускники средне-специальных учебных заведений. В середине 60-х годов такой молодой специалист после института и принял руководство школой Кауртаев Анатолий Прокопьевич. Именно они составили костяк педагогического коллектива: Духовских М.Н., Мотышева П.Т. – завучи школы, Ковалдин С.И., Ковалдина Г.А., Свиридова Л.В., Шабалина

Ф.С., Осипова О.Е., Ващенко Г.С., Чейметова О.И., Урюпина А.И. С 1970 года бессменным директором в течение 15 лет был Акдигидов Г.Д. В лучшие времена в школе обучалось до 800 человек.

Благодаря обращению педагогов школы в газету «Комсомольская правда» стал пополняться библиотечный фонд: со всего Советского Союза шли посылки с методической и художественной литературой.

За многолетнюю историю выпускниками школы стали сотни и сотни учащихся, занятых в различных отраслях экономики, культуры, народного образования.

К началу 60-х годов численность населения поселка достигла около 3-х тысяч человек, став наибольшей за всю его историю. Только в ЛПХ работало около 600 человек, вот тогда в администрации лесопункта было предпринято решение по улучшению бытовых и социально-культурных условий жизни жителей поселка. Так началось строительство обшей поселковой бани и дома бытовых услуг.

В начале 60-х годов в поселке были открыты 2 магазина – продовольственных товаров и промышленных, работала столовая горячего питания. До этого горячей пищей работников лесного фронта снабжали так называемые «котлопункты», работающие в лесу, чем-то напоминающие полевые кухни времен Великой Отечественной войны. Всем этим «хозяйством» заведовала Дружинина Августина Михайловна. Кроме нее в штате было еще три повара, две посудомойки и буфетчица. Работа шла в 3 смены по графику «сутки через 2-е».

Меню составляли ежедневно – два первых блюда, холодные закуски, вторые блюда (от обычных рыбных котлет до бефстроганова и пашльков) и многое-многое другое. Все это обилие блюд было по-домашнему вкусно и дешево. В разное время делу приготовления пищи посвятили себя, работая в

этой столовой Лупикова А.Д., Митрохина Р., Кривдина Т. и многие другие. Чуть позже в поселке открылась пекарня, а до ее появления хлебопродуктами поселок снабжала столовая, а горячее питание доставляли еще в школьную столовую.

Продукты и товары народного потребления поступали с перевалочной базы ОРС (отдел рабочего снабжения), находившейся в п. Междуреченский. Оттуда зимой на автомобилях; летом – баржей все необходимое доставляли на местную поселковую базу на круглый год. Заведовала ею тогда Суворова Нина Васильевна. Наибольшую часть груза составляли мука и водка. Все хранилось на складах, стоящих у самой кромки воды, на берегу р. Конды. ОРС самостоятельно держал свиноферму. Осенью жители из ближайших поселков сдавали мясо из личного подсобного хозяйства. Многие годы в ОРСе проработали Чейметова Августа Сергеевна, Нертымова Наталья, Шимова Мария Васильевна. Новую электростанцию на берегу реки построили в 1961 году мощностью 480 кВт, обеспечившая потребности лесопункта в электроэнергии. В эти же годы начинает работать радиоузел, оснащенный современной на тот момент аппаратурой.

К середине 60-х годов в поселке была открыта сберегательная касса. До её открытия услуги сберкассы выполняли работники почтового отделения «Учинья». Одним из первых работников сберкассы была Векшина В. Позднее, с ней стали работать Казанцева Е.И и Исыпова А. П.

Для того времени примечательно, что деньги активно вкладывались. В дни выдачи зарплаты касса работала без обеденного перерыва до позднего вечера.

В 1962 году на территории поселка Половинка было построено первое здание сельского клуба на 200 посадочных мест. Материальная база клуба в то время, можно сказать, была на высшем уровне: много разнообразных костюмов, париков, украшение сцены, имелись различные инструмен-

ты, даже инструменты для духового оркестра. Первый дом культуры просуществовал недолго. В конце 60-х годов здание сгорело.

За короткий срок на этом же месте был построен новый сельский клуб, находившийся в ведомстве леспромхоза.

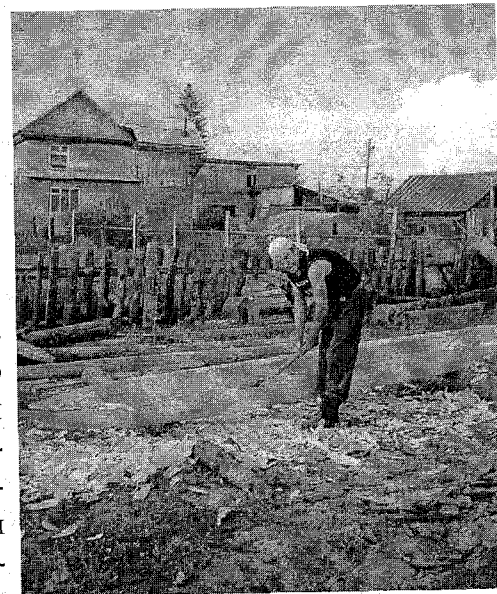
В октябре 1992 года сельский клуб со всем имуществом был передан Половинкинскому сельскому совету и переименован в Половинкинский сельский дом культуры.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ...

После реорганизации колхоза и некоторых рабочих нурядиц, я устроился на работу в лесхоз. Жизнь потихоньку налаживалась. Дочери росли, а в 1964 году, в моей семье родился долгожданный сын, Андрей. Помню день до мельчайших подробностей. Особенно тот момент, когда я забирал из больницы Анну с ребенком. Была середина марта, на улице стояло тепло, солнечно, снег на возвышенных местах уже растаял, земля подсохла. Я шёл по улице через весь поселок, нес сына на руках, рядом шла жена и гордости моей не было конца.

Мы все также жили на мысу, держали скот, сажали огород. Анна работала в детском саду, но почему-то наших ребятшек мы туда не водили. Днем, когда мы были на работе, за ними присматривал Юрик. Он по-прежнему жил в нашей семье, и поэтому было немного легче. Дети его слушались, так как характер у него был строгий, даже немного суровый. Когда наступал сезон охоты, всё свободное время Юрик проводил в лесу, любил охотиться на боровую дичь, рыбачить, а вечерами слушать радиоприемник. Он плотно прикладывал приемник к уху, так как был глуховат, и внимательно слушал все передачи. Вскоре серьезная болезнь стала давать о себе знать. Ему стало совсем плохо, организм от болезни ослаб, его отвезли в больницу п. Кондинское.

В 1966 году родился наш пятый ребенок, младшая дочь Светлана. После её рождения в доме случилась беда, сильно заболела Анна, врачи не могли установить точный диагноз. Буквально за короткое время она исхудала до костей, силы покидали её. Тогда я очень испугался за ее состояние, что маленькие дети могут остаться без матери. Забрав Анну из нашей больницы, без всякого направления, я повез её в Тюмень. В

областной поликлинике стал слезно просить врачей провести обследование, вскоре ей поставили диагноз воспаление щитовидной железы (зоб). Ее положили в больницу на операцию. Оставив жену в надеж-

Слева направо: моя жена Хомякова Анна Яковлевна, теща Кауртаева Елизавета Михайловна, деверь Кауртаев Юрий Яковлевич и я, Хомяков Анатолий Николаевич. 1957–58 годы

ных руках докторов, я поехал домой, где меня ждали пятеро детей. После операции Анна ещё долго лежала в больнице, а по приезду домой, почти сразу же уехала в село Кондинское хоронить брата Юрика. Он умер от тяжелой формы туберкулеза, поэтому еще много лет наша семья находилась под наблюдением врачей.

Вскоре Анна совсем поправилась, мы стали думать о расширении наших жилищных условий, о переезде на ту сторону реки, в центр поселка.

Узнав о наших планах, дядя Гриша предложил нам купить его дом, который когда-то помогал ему строить наш отец. Посоветовавшись, мы согласились на сделку. В 1974 году сельский совет выделил нам земельный участок рядом с детским садом, я перевез туда дом из старой Половинки. Свой старый дом на мысу продал лесхозу, туда они стали заселять приезжих рабочих, а позже его продадут моей младшей се-

Моя семья. Верхний ряд слева направо: дочь Валентина, сын Андрей, дочь Галина. Нижний ряд: дочь Лидя, я, жена Анна, дочь Светлана

стре Любе. Сейчас Люба живет в отцовском доме на мысу, она его выкупила после смерти отца. В этом доме выросли её дети и внуки. Умер отец 24 мая 1983 года в возрасте семидесяти трех лет от рака легких, похоронен на старом кладбище деревни Учинья. Всего от двух браков у отца было 11 детей и 38 внуков.

Дом дяди Гриши хоть и был старым, но сохранился очень хорошо. Ведь умели люди раньше строить, знали какое дерево срубить и какой стороной положить, чтобы дом мог простоять больше века. Новое жилище собирали всей семьей, ребятишки были уже большими и во всем нам с женой помогали.

И вот наступило в моей жизни время, когда, как мне кажется, я состоялся, как человек: построил дом, родил сына и посадил дерево. Нет, не одно дерево, а тысячи деревьев посадил, работая лесником в Учинском лесхозе. Наши старшие дочери выросли, разъехались, одна за другой вышли замуж и стали радовать нас внуками.

Старшая Валентина жила и работала в Ханты-Мансийске.

Дочь Лидя уехала учиться в Салехард, вышла замуж и там осталась жить. Она подарила нам первую внучку – Викторию.

Часто я вспоминаю, когда впервые Вику привезли к нам в дом. У Нюры в доме всегда был строжайший порядок: накрахмаленные салфетки, взбитая перина, застеленная «по линейке» кровать и выложенные пирамидой подушки. Наши дети росли и прекрасно знали, что нарушать порядки, установленные хозяйкой, нельзя, ведь могли от матери получить хорошую трепку. Вика, конечно же, не знала о бабушкиных правилах, да и знать вообще-то не хотела. Впервые переступив порог и увидев пышную кровать с кучей подушек, ребенок забыл обо всем на свете. За секунду она оказалась на перине и начала что есть силы, прыгать на ней. Мы, взрослые,

Я с женой в городе Сочи

на некоторое время потеряли дар речи. Когда бабушка пришла в себя, стащила с кровати внучку и попыталась ей объяснить, что так делать нельзя, но все было бесполезно. Сейчас у нас двенадцать внуков и пятнадцать правнуков и все они разные, со своими характерами и взглядами на жизнь.

В 1987 году я ушел из лесхоза на пенсию, но, сидеть без дела, не входило в мои планы. Казалось, что жизнь только начиналась!

В голове у меня была масса

идей, которые нужно воплотить в реальность. Своим долгом я считал увековечивание памяти земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны. Мне хотелось, чтобы о них помнили не только мы, пережившие эту войну, но и наши внуки и правнуки.

В нашем поселке не было памятника воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, жители на день Победы собирались на школьной территории, у обелиска, сооруженного из фанеры. На обелиске был изображен пионер-герой Павлик Морозов. Мне хотелось установить капитальный памятник, с фамилиями погибших и Вечным огнем. Я понимал, что это трудная задача, ведь ни денег, ни связей у меня нет. Но желание сохранить память о воинах-земляках было сильнее. Ведь у обелиска могли бы собраться люди, чтобы возложить венки и цветы, преклонить головы перед памятью погибших.

Самостоятельно был разработан эскиз будущего памятника, а средства на изготовление плиты пожертвовали жители и организации поселка Половинка.

Думал, с чего начать? Поехал в Урай на завод крупноблочных изделий, там объяснил директору, что хочу в своем поселке установить памятник. Спросил, смогут ли они его изготовить, и сколько он будет стоить? Был крайне удивлен, когда услышал, что платить ничего не надо. Вот, думаю, что есть все-таки на земле чуткие и понимающие люди! Бетонную плиту изготовили в срок и точно такую, какую я заказал: шестиметровую, с четырьмя ступенями, символизирующими четыре года войны. Но громоздкую плиту предстояло как-то вывезти и установить. Стал обращаться в различные инстанции, но ответ был один: «Нет транспорта». Многие поглядывали на меня с недоумением, мол, мужик на старости лет совсем спятил, коль в одиночку решил памятник установить. Но я был настойчив! Долго ходил по кабинетам, объяснял и доказывал важность моего дела. Согласились нефтепроводчики, работающие в то время в поселке. На собранные от населения средства в сумме восемьсот рублей оплачивал загрузку-разгрузку, подъем и установку автокраном плиты. Ее приподняли и установили на растяжках, а вес плиты – шесть тонн. Мы с ветераном войны Ильей Григорьевичем Мотышевым из досок сколотили каркас для заливки фундамента. Директор ЛПХ Распопов Н.И. помог, с песком для отсыпки территории памятника. Нанял за деньги трех мужиков, на мотоцикле повозить камни, старые кирпичи, куски железа в каркас для заливки фундамента. Цемент месили вручную. Залитый постамент получился высотой 1 метр 10 сантиметров по всей окружности.

Первоначально открытие памятника планировалось ко Дню Победы, но, увы, плита дала трещину. Открытие было перенесено на более поздний срок. Я перенес стресс, когда плита все же переломилась пополам. «Все пропало!» – с го-

речью думал я, но рук не опустил и твердо решил: «Все равно что-нибудь придумаю, не бывает же безвыходных ситуаций!» Пришло решение. Пригласил рабочих, объяснил им, как установить одну половину плиты на другую и прихватить сваркой железную арматуру. Замазывать шов цементным раствором никому не доверил – все делал сам. Сегодня никто не догадывается, что плита эта некогда была расколота пополам. В Урае я нашел мастера, который взялся за изготовление дюралевых плит с фамилиями, но оплачивать его труд было уже нечем. Обратился за помощью к своим детям и недостающую сумму доплачивал сам. Стоимость одной плиты в то время была сто рублей. Когда плиты были готовы, устанавливал их сам на бетонный остов памятника.

Прилегающую территорию вокруг выложил плиткой, которую изготовили самостоятельно, тоже с Ильёй Григорьевичем. Цемент я приобрел на заводе ЗКБД за сорок килограммов рыбы. Из алюминия изготовили оформление верхней части памятника. Местные мастера сделали рисунок ордена Отечественной войны и бронзовую звезду для Вечного огня.

Для того, чтобы фамилия каждого погибшего земляка была увековечена на мемориале, мне понадобилось больше года, чтобы собрать списки кондинцев из деревень: Пихтовка, Тап, Кисарь, Половинка, Учинья, Елушкино, Панкутал, Тасклия, Силава ушедших на фронт и не вернувшихся с полей сражений. Сведения собирал по воспоминаниям жителей этих деревень и архивным данным. За лето памятник был установлен, благоустроена и озеленена прилегающая территория. На центральной части памятника 10 дюралевых плит с именами и фамилиями восьмидесяти одного погибшего солдата.

Церемония открытия памятника состоялась 1 сентября 1989 года. На торжество съехались школьники с шаимской территории поселка Назарово, Мулымья, Урая, пришли

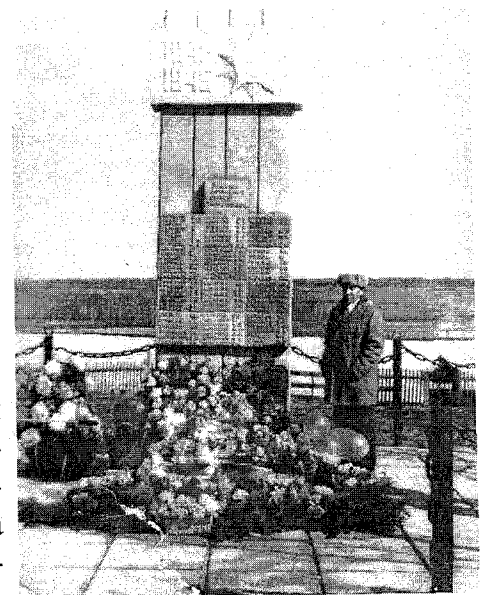
местные жители. Приятно мне было слышать слова благодарности и признания от подрастающего поколения. Поняли люди, оценили – мой труд не пропал даром.

В 2005 году к 60-летию юбилею Победы при поддержке администрации поселка Половинка и помощи нефтяной компании ТПП «Урайнефтегаз» территорию памятника значительно расширили, подключили уличное освещение.

Вот так, несмотря на непонимание и недоверие администрации поселка, но благодаря жителям п. Половинка был установлен памятник землякам, погибшим и участвовавшим в Великой Отечественной войне. Одна из важных целей в жизни была достигнута, пройдена очередная ступень в моей биографии, а в голове уже зарождалась новая идея.

ВОПЛОЩЕНИЕ НОВОЙ ИДЕИ

Почти всю свою жизнь я вынашивал идею создать свой музей, где будут храниться те предметы, которые постепенно уходили из обихода. Мечтал, что в мой музей будут ходить дети, а я им буду рассказывать о народе, который веками жил на этой земле. Буду учить их разному ремеслу, чему я научился у своих предков. В музей я впервые побывал во

День открытия памятника погибшим в годы ВОВ. 1 сентября 1989 года, п. Половинка

время службы в армии, в городе Владивостоке. Однажды выдалась свободная минута, мы с друзьями отправились в местный музей. Я стоял точно замороженный, будто в другой мир попал: здесь и пашка сингапурская, и килевой брус, и древние снасти увидел. Этим предметам было уже более сотни лет, а люди сберегли их, сохранили для нас – будущих поколений. И даже те, кто еще на свет не родился, смогут, когда-то увидеть все то, что хранили и хранят музеи. И тогда я понял – создание музея – это большое, нужное и благородное дело. С тех пор прошло немало времени, я побывал во многих уголках России: в Москве, на Черноморском побережье, на Кавказе, в Тюмени, в Сибирском городе Березове, непременно заглядывал в краеведческие музеи, подолгу разглядывал экспонаты, подмечал, как они расставлены, в какой последовательности, где и когда были найдены. И все это родилось во мне тогда, во Владивостоке – точно искра озарения вспыхнула в моем сердце. Со временем эта искра не потухла, она год от года разгоралась все ярче и ярче. И, несмотря на то, что у меня была большая семья, порой не было денег, но я всегда был твердо уверен: придет день, и в моем поселке появится краеведческий музей!

И это случилось! В 1990 году 10 декабря как раз к дню рождения нашего Ханты-Мансийского округа был открыт краеведческий музей. К открытию музея у меня уже было собрано небольшое количество экспонатов, собирал у знакомых, родственников, местных жителей, были и собственные запасы. Хранил экспонаты дома, аккуратно вел их учет, и при этом присматривал для музея подходящее здание. Случайно до меня дошел слух, что в поселке собираются снести старое здание бывшей конторы Учинского рыбоучастка, построенного в 1943 году. Конечно же, здание было очень ветхим, но меня это не остановило. Я задался целью – заполучить его, во что бы то ни стало. В рыбоучасток приехал начальник профкома решать вопрос по сносу здания (его планировалось снести и

испилить на дрова). В конторе собрали работников и объявили повестку дня. Все присутствующие были согласны, на снос ветхого здания. Тут поднялся я и попросил слова, стал объяснять людям, что это здание можно отремонтировать и приспособить под музей. Рассказал им о своей мечте, о собранных экспонатах, хранящихся у меня дома, о важности этой идеи. В ответ мне пытались возразить, доказать, что дрова принесут больше пользы, чем какой-то музей, но я не сдавался, победило моё упорство. Махнув на меня рукой, как на выжившего из ума старика, решили здание не сносить, а передать его мне.

Я был очень рад! Работа закипела. Целыми днями я строгал, пилил, штукатурил, при этом усиленно занимался и сбором экспонатов. Ездил по окрестным селам, ходил по домам, расспрашивал, у кого, что сохранилось из старинных предметов. Кто-то отдал в музей рыбацкие бродни, кто-то – глиняные горшки и наконечники для стрел. Мало-помалу коллекция набиралась. Конечно же, я один бы не справился с таким объемом работы. Всё это время меня поддерживали мои близкие, они верили, что всё, что я делаю, пойдет во благо всех жителей поселка. Моим постоянным помощником была дочь Галина, она с самого основания музея была рядом, помогала, вникала и проявляла ко всему интерес. Жена в то время сильно болела, часто лежала в больнице, но к моему делу относилась с пониманием. Мне часто приходилось оставлять её, уезжая в командировки, но я знал, что рядом с ней находятся наши взрослые дочери, которые всегда помогут в трудную минуту.

Главным моим советчиком была мама, я обращался к ней по всем вопросам, связанным с бытом кондинских манси. Благодаря маме был составлен небольшой рукописный сборник слов кондинского диалекта. Экспонаты в экспозиции «Быт манси» обозначил на родном мансийском языке. В день открытия музея почетными гостями были мои помощники.

Учинский краеведческий музей начал свою деятельность

с нескольких десятков экспонатов (этнографических предметов). Это были ложки охотника – *подволоки*, котомка охотника – *непка*, мужская обувь – *протни*, женская обувь – *няры*, утварь различного назначения, предметы домашнего обихода, такие как лоскутное одеяло, детская колыбель из бересты с традиционным орнаментом кондинских манси и ряд других предметов. На первом этапе фонд музея достигал около 100 этнографических предметов. Дополняли количество экспонатов – фотографии 1920–1940-х годов.

В первый год здание музея не отапливалось, да и я, как «директор», трудился без заработной платы. Только через два года районное управление культуры решило выделить на музей 0,5 ставки музыкального работника, я стал получать небольшую зарплату. Музей функционировал. С каждым днем увеличивалось количество единиц музейного фонда, росло число посетителей, которых регистрировали в журнале посещений. Конечно же, основными посетителями были дети – школьники из п. Половинка и г. Урай. Число экскурсантов к концу года составило 863 человека. Моя дочь Галина была внештатным сотрудником музея, нам с ней приходилось вдвоем осваивать все должности музейного дела.

Весной 1991 года благодаря поддержке местных жителей мы стали отстраивать этнографический музей. За два года на территории, площадью в 200 квадратных метров раскинулся музей под открытым небом. Путешествуя по нему, человек словно пересекает столетия: из современного цивилизованного и светлого мира он попадает в мир, в котором чувствуется размеренный и гармоничный ритм жизни древних манси. Посетив охотничий стан с промысловой юртой, амбаром, расположенным на дереве, приспособленным для ловли глухарей он окунается в жизнь предков.

В 1997 году под здание музея районным комитетом Севера был приобретен жилой дом, территория этнографического музея расширилась до 600 квадратных метров. Так

появилась возможность более полно показать культуру и быт кондинских манси. Был создан искусственный водоем с рыбацким станом, где разместились рыбацкие снасти, стоят лодки-кедровки, лодки-осиновки и прочие предметы, используемые в прошлом при заготовке рыбы. Было создано культовое место со священным амбаром, ритуальной лиственницей, в подобии таких древние жители этих мест ходили поклоняться своим великим духам. Была создана мансийская изба, где по-настоящему для гостей разводят огонь в чувале и варят уху. Все постройки в музее под открытым небом, выполнены натуральной величины с соблюдением старинных технологий: прежде чем взяться за их строительство, я очень внимательно рассматривал, изучал старинные постройки, беседовал со старожилами, строил по собственным воспоминаниям из детства.

Имея за плечами 4 класса образования, приходилось постоянно ездить и набираться опыта в районных и окружных музеях, старался бывать на всех краеведческих семинарах и конференциях. Ни о каких командировочных, конечно же, и речи не было. Многие люди верили, что у меня все получится, после этого, разве мог я не оправдать их доверия. Много на своем пути встретил людей не равнодушных, добрых и отзывчивых. Огромную помощь на этапе развития оказали нам урайские нефтяники, благодаря их безвозмездной помощи музей пополнялся хозяйственным инвентарем и канцелярскими товарами.

Вскоре проявлять интерес к музею стали и ученые. Первые археологи из Екатеринбургского научно-исследовательского института приехали познакомиться с нашей территорией в 1994 году. После обследования лесной зоны вокруг сельского поселения Половинка было обнаружено более пятидесяти древних поселений и стоянок. Благодаря им, в музее появилась археологическая коллекция предметов, найденных при обследовании территории вокруг поселения.

Комплектование и учет музейных фондов традиционной и

современной культуры народов кондинской земли ведется с первых дней работы музея. На протяжении многих лет, сформировалось несколько коллекций, таких как: «Этнография народа манси», «Археология», «Русская этнография», «Естественнонаучная», «Нумизматика», «Советский период».

Примечательно то, что при открытии второго здания музея, где разместился выставочный зал, появилась возможность представлять передвижные выставки из фондов других музеев и частных коллекций.

Особо мне запомнилась первая выставка картин художника Гутнова Бориса Хасановича из города Урая. Я не переставал удивляться способностям человека – как можно создать такую красоту, и все время задавал себе один и тот же вопрос, а смогу ли я вот рисовать? Решил попробовать себя в новой роли. Меня заинтересовала живопись. Раньше, когда я рассматривал работы художников, мне казалось, что надо обладать необыкновенным врожденным даром, чтоб передать на холсте игру красок, настроение, особенности ландшафта. Решил разбудить этот дар в себе, взял в руки кисть и краски, стал писать картины. Сейчас их в моей коллекции не один десяток и все они о природе нашего края. Я хочу показать людям, насколько он красив, богат и уникален, как красивы наши – земля, реки, леса. Часто картины я дарю своим знакомым, друзьям, родственникам, иногдаставляю их в музей. Конечно, был очень удивлен, когда нашлись желающие приобрести мои работы за деньги. Но спросом пользуются не только картины. Однажды в музей пришел целитель из Иркутска, увидев шаманский бубен, попросил сделать ему точно такой же. Позже он позвонил и сказал, что бубен помогает ему лечить людей.

В 2007 году я ушел на заслуженный отдых, передав музейные дела своей преемнице и дочери Галине Анатольевне Мостовых. На неё я возлагаю большие надежды, знаю, что она будет не только хранить, все то, что собрано за многие годы, но и будет достойным продолжателем моего дела.

Есть у меня еще одна мечта – создание прекрасного парка-музея под открытым небом. Где каждый турист, приехавший на территорию парка, смог отдохнуть в тени берез и елей от городской суеты; прокатиться на лодках по зеркальным водам речки Учиньи; а те, кто интересуются историей и археологией, смогли бы отправиться в удивительную экскурсию к древним стоянкам. Однако, для того, благоустроить территорию парка и сделать его зоной отдыха, потребуются большие вложения. Возможно развитие туризма на территории Ханты-Мансийского округа позволит осуществить мою мечту, об этом прошу Бога, очень хочется дожить до того времени, увидеть все своими глазами.

Хочется, чтобы на территории парка, стояло новое современное здание Учинского музея с хорошим фондовым хранилищем и уютными выставочными залами. И тогда музей под открытым небом займет своё достойное место среди могучих вековых лиственниц, священных почитаемых деревьев кондинских манси.

Край наш богат не только археологическими памятниками, но и природными ресурсами. Обследование учеными-биологами показало, что на территории лесного парка растут очень редкие растения и имеются залежи белой глины. В прошлом, когда не было извести, местные жители белили ей избы, применяли ее и в лечебных целях. В сыром виде глина имеет голубой цвет, в сухом – совершенно белая. Белую глину пили для очищения желудка, а еще накладывали на больные места. Глина также хорошо помогала от ожогов: делали жидкий раствор и обкладывали обожженное место.

Сегодня к музею проявляют интерес не только местные жители, но и приезжают гости из разных уголков нашей необъятной страны, из дальнего и ближнего зарубежья. Мы знакомим их с культурой восточных манси, но познакомить в комплексе с историческим достоянием народа у нас пока нет возможности. Эту проблему поможет решить новое ме-

сто расположения музея, где благодаря созданию туристской тропы соединялись бы экспозиции музея с историческими местами и древними археологическими памятникам. О некоторых из них хотелось бы рассказать. В северной части находится древнейший памятник XIII–XIV века – городище «Высокая гора», огражденный двумя кюветами. «Высокая гора» расположена на правом берегу реки Учинья, в 1,5 км к юго-западу от п. Половинка. Это место необычное, сюда и сейчас приходят люди поклониться духам-предков, мысленно обращаются к ним с просьбой о помощи, вешая на ветки заверованных могучих лиственниц цветные лоскутки ткани.

В южной части парка обнаружено еще одно древнее городище, в народе его называют «Марьиная гора». Бытует легенда о происхождении «Марьиной горы». Рассказывают, что в далекие двадцатые годы XX века, в период гражданской войны, на Конде тоже происходили столкновения между «белыми» и «красными». Во время сражения отряда Красной армии под командованием командира Абрамова с белогвардейцами был убит красноармеец. Товарищи похоронили его вблизи деревни Учинья. Прошло несколько лет, два, а может и пять, и вот из Гаринского района, пришли три русские женщины, три Марьи, они назвались матерью, сестрой и невестой погибшего. Их путь был долгим, изнурительным, в летнюю жару по болотам, в комариный период они пешком прошли через Шаим. Разузнав у местных жителей, где находится могила красноармейца, они посеяли там семена цветов и вскоре ушли. На следующий год в этом месте зацвели розовые цветы – местные жители назвали их – Марьин корень, а место стали звать – «Марьиной горой». В науке этот цветок известен как дикий пион. В этих местах до сих пор растут эти необыкновенные цветы.

Много тайн хранит кондинская земля, и так хочется, чтобы потомки знали историю своего края, хранили богатство родной земли, своей малой родины.

СОДЕРЖАНИЕ

В поисках лучшей жизни	5
Тропую предков	10
Детство мое – далекое и близкое.....	16
Война.....	25
Послевоенные годы	35
Служба в Советской армии.....	40
Начало самостоятельной жизни	50
Немного истории.....	54
Жизнь в новой деревне.....	61
Развитие лесной промышленности	69
Немного истории о здравоохранении на Конде.....	76
Немного об образовании	79
Мечты сбываются.....	84
Воплощение новой идеи.....	91

РЕКА МОЕЙ ЖИЗНИ

Книга создана по рукописным материалам
Анатолия Николаевича Хомякова

Автор и руководитель проекта Мостовых Г. А.

Редактор Динисламова С. С., кандидат филологических наук,
директор научно-образовательного центра по изучению
и сохранению языка и культуры коренных
малочисленных народов Севера

Набор и обработка текста
Ерофеева А. М., Овсянкина А. Н.

Компьютерная вёрстка Пятковой С. Н.
Корректор Бумагина В. П.

ISBN 978-5-7142-1473-8

9 785714 214738

Сдано в набор 3.12.2012 г. Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура «Таймс». Бумага ВХИ. Уел. печ. л. 5,81. Уч.-изд. л. 7. Заказ № 1786.
Тираж 1300 экз.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870, Курганская обл.,
г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и сред-
ствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спарта-
ка, 6, тел. 6-33-51.

